

Александр Строгов

Искривлённая история

Правда, украденная перебежчиком с "Ледокола"

16+

Александр Строгов

Искривлённая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34304121

SelfPub; 2018

Аннотация

Есть книги, утверждающие, будто СССР готовил нападение на нацистскую Германию. Пишет их человек, который давно перестал пользоваться собственными именем и фамилией. Правда о малоизвестных фактах Второй мировой войны, о противостоянии политических систем и о В. Суворове (В. Резуне).

Содержание

Перейдём на личности (вместо предисловия)	4
Глава 1. Столкновение империй	13
Глава 2. Создание Федеральной резервной системы	25
Глава 3. Сколачивание Антанты	29
Глава 4. Позиционный кошмар – могила народов	38
Глава 5. Брусиловский порыв	52
Глава 6. Разрозненные удары	62
Глава 7. Могучий рокот канонады	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Перейдём на личности (вместо предисловия)

*На свете есть столь серьёзные вещи, что говорить о них
можно только шутя*

Н. Бор

Обычно так не делают – вы все отлично знаете правила: сперва участники спора расходуют все средства, предусмотренные общепринятыми правилами поведения в обществе, особенно в обществе научном. К оскорблениям, адресованным персонально, а не теориям, прибегают лишь в случаях, когда дискуссия перешла все допустимые границы. Раскрасневшиеся историки, социологи и геополитики, отдав должное содержимому бутылок, выставленных в буфете, в конце концов, входят в раж и, пыша гневом, приступают к обмену более простыми и доступными даже широким массам общественности аргументами. После первого слова «Ты!» диспут обычно выходит из-под контроля и превращается в перебранку, зачастую угрожающую и применением тех самых бутылок в качестве метательных снарядов.

Если проще, то в научных кругах не принято переходить на личности – это крайняя низость и последнее, до чего может опуститься уважающий себя исследователь. Тем не менее, я именно с этого и начну – не столько из желания пока-

заться оригинальным и выделиться на общем фоне, сколько в силу особенностей рассматриваемой в данной работе тематики. Речь идёт о Второй мировой войне, которая, по ряду причин, в последние десятилетия на постсоветском пространстве рассматривается исключительно как цепь событий, которым один всем известный автор посвятил целую серию книг, как исторических, так и художественных. Дабы не мучить вас более недомолвками и смутными намёками, сразу же назову вам имя того, кто самым решительным образом взял штурвал историографического лайнера на себя. Это Владимир Резун, взявший себе псевдоним «Виктор Суворов».

Владимир Резун получил громкую, вернее, скандальную известность, когда в 1978 году, будучи сотрудником женевской резидентуры Главного разведывательного управления (далее – ГРУ) Министерства обороны (МО) СССР, работавшим под легальным прикрытием Постоянного представительства при Европейском отделении ООН, неожиданно исчез вместе с семьёй. Объявившись вскоре в Великобритании, он написал ряд книг о советской армии, встреченных западным читателем достаточно благосклонно. Несомненно, такая неожиданная метаморфоза не могла произойти без сотрудничества с британской разведкой, знаменитой на весь мир МИ-6. Как именно Суворов был завербован, достоверно неизвестно, можно лишь с уверенностью утверждать, что своей советской родине и священным заповедям спецназа, о

которых он столько пишет в своей одноимённой книге, бра-
вый разведчик изменил. Всё, что он знал о ГРУ, попало на
страницы зарубежной печати, изложенное резким, едва ли
не лающим языком кадрового офицера. Итак, Суворов – из-
менник и лжец, которому даже стыдно за собственное имя
и фамилию...или?..

Второй вариант подлинного статуса В. Суворова (В. Резу-
на) выглядит куда более правдоподобным и объясняет мно-
жество неувязок в его биографии. Например, как так случи-
лось, что ему удалось бежать, ещё и вместе с семьёй? Вто-
рой вопрос: почему он не попал под подозрение советской
контрразведки по причине любви к разглашению секретной
информации в письменном виде (ведь он наверняка писал
«в стол» уже достаточно долгое время)? Почему его вымыш-
ленная биография существенно упрощена – он выдаёт себя
за простого сельского парня, водителя грузовика, который
жил «как все», просто был попронырливей остальных? На
самом деле Резун уже в 19 лет стал членом КПСС, а в 23 года
оказался в партноменклатуре – неслыханно быстро для де-
ревенского парнишки, не правда ли? Ещё одно слабое место
в его рассказе: якобы являясь колхозным шофёром, он по-
чему-то не был призван в армию (где водители грузовиков и
далее водят грузовики либо же бронетранспортёры, которые
сконструированы с широким применением автомобильных
узлов и агрегатов). Наоборот: В. Суворов (В. Резун) успеш-
но поступил в высшее учебное заведение, причём в воен-

ное, в танковое училище. Те, кто служил в армии, скажут: действительно, странно. Даже механиком-водителем танка обычно становится тракторист или бульдозерист, имеющий опыт вождения и ремонта гусеничной техники, в то время как командир экипажа, как правило, имеет сравнительно высокий образовательный ценз. Командир же танкового взвода (должность Резуна после выпуска), конечно же, должен соответствовать более высоким стандартам. Очевидно, что Резун лжёт, и не исключено, что лжёт эта приехала с ним в Великобританию изначально, в качестве пресловутой шпионской «легенды».

Возможно ли такое? Конечно, возможно. Известно множество примеров того, как лазутчики пробирались во вражеский стан под видом перебежчиков. Например, в 1389 году Милош Обилич, сербский князь, прикинулся изменником, чтобы завоевать доверие турок, вторгшихся на земли его родины. В день битвы на Косовом поле он убил турецкого султана Мурада I, стяжав своим героизмом бессмертную славу. Кто знает, возможно, Суворов – действительно советский патриот, и далее выполняющий некую жизненно важную миссию в глубоком капиталистическом тылу? А как же прославленные британские спецслужбы? Почему они проворонили такого «троянского коня»? А здесь не говорится, что они его не раскусили. Они использовали Резуна в собственных целях, молчаливо согласившись с предложенными противоположной стороной условиями.

Подобные «общие проекты» являются весьма обыденным делом для разведок. Каждый из игроков видит лишь собственную выгоду, и, минимизируя угрозу либо даже закрывая на неё глаза, преподносит всё руководству в самом радужном свете. Например, в годы Второй мировой войны немецкая контрразведка в оккупированной Голландии провела исключительно успешную операцию «Северный полюс»: при помощи радиопеленгаторов вскрыла подпольную сеть Сопротивления и осуществила многочисленные аресты; перевербованные радисты приняли участие в «радиоигре» с Лондоном, и далее присылавшим агентов, оружие и снаряжение в заранее условленные места. Агентов этих, в большинстве случаев – голландцев из числа эмигрантов, тут же арестовывали. Однако, чтобы оппонент не заподозрил обмана, немцы вынуждены были дать подтверждение жизнеспособности развёрнутой агентуры: они организовали выезд сбитых в воздушных боях британских лётчиков за рубеж, в нейтральные страны. Если учесть, что каждый радист имел обычно более одного способа подать условленный заранее сигнал, что его перевербовали, то можно быть уверенным почти на 100%: британская разведка отлично знала о разоблачении и сознательно засылала собственных агентов из числа иностранцев туда, где их гарантированно ожидает арест, лишь бы лётчики-англичане имели возможность вернуться на родину, минуя концлагеря.

Итак, интерес стран НАТО в Суворове понятен: они по-

лучили источник информации о вооружённых силах СССР, важный козырь, а когда «железный занавес» приоткрылся – и мощный пропагандистский рычаг, позволяющий воздействовать на сознание постепенно декоммунизирующего общества. В перестроечный и постперестроечный период книги В. Суворова (В. Резуна) пользовались (и, кстати, продолжают пользоваться) большой популярностью. Однако в чём всё-таки интерес ГРУ? Это хороший вопрос, на который может быть много ответов. Первый из них – просто детективный: золото партии, которое вместо того, чтобы расходоваться на закупки военных секретов (основное занятие В. Суворова (В. Резуна) в Женеве), оседает на тайных счетах в швейцарских банках. Возникающая утечка информации грозит крупным скандалом... и инспирирует размен фигурами. Проворовавшиеся руководители резидентуры предпочитают избежать разоблачения любой ценой; В. Суворов (В. Резун) бежит в Англию, чтобы оттуда критиковать СССР и ускорять тем самым его падение, в то время как его начальство готовится задействовать прикарманенные фонды для создания бизнес-империй в быстро меняющихся реалиях перестроечного периода.

Другая версия: осознавая, что антикоммунистическая пропаганда в условиях неизбежного распада СССР всё равно будет осуществляться МИ-6, руководство советских спецслужб принимает решение придать этому процессу приемлемую форму и направить его по выгодному руслу, пока для

этого ещё есть возможности и с ГРУ ещё как-то считаются.¹

Не исключено, что оба высказанных выше предположения в той или иной мере соответствуют истине, чего, разумеется, нельзя сказать о ревизионистской концепции истории Второй мировой войны, созданной В. Суворовым (В. Резун). Концепция эта по определению должна быть ложью, написанной в ГРУ с целью прославления этой организации. Главными отличительными признаками данной концепции можно считать следующие утверждения:

а) И. Сталин (И. Джугашвили) планировал захватить весь мир – ради окончательной победы коммунизма;

¹ Кстати, здесь нельзя не упомянуть о Герое СССР, фронтовом разведчике В. Карпове, начавшем свой боевой путь в штрафной роте (будучи курсантом, осуждён на 5 лет за антисоветские высказывания). В послевоенные годы он был слушателем Высшей разведшколы Генштаба, окончил Военную академию им. Фрунзе и Литературный институт им. А. М. Горького, после увольнения в запас показал себя талантливым писателем, занимал руководящие должности в редакциях престижных периодических изданий, наконец, стал депутатом Верховного Совета СССР, народным депутатом СССР, даже являлся кандидатом в члены ЦК КПСС в 1989-1991 гг. В. Карпов является автором биографии Г. Жукова («Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира», 1989), в которой, как и у В. Суворова (В. Резуна) («Ледокол», 1981), упоминается о плане превентивного удара по нацистской Германии и даже указывается дата докладной записки – 15 мая 1941 года – авторства Г. Жукова, возглавлявшего в тот период Генеральный штаб РККА. Любопытно, что в автобиографическом «Аквариуме» В. Суворова (В. Резуна) фигурирует персонаж с созвучной фамилией – «Кравцов». Нельзя уверенно сказать, встречались ли В. Карпов и В. Суворов (В. Резун) в период, когда последний ещё не стал перебежчиком, но такое вполне возможно, особенно если учесть наличие у них схожих точек зрения по ряду вопросов, склонности к писательству и принадлежность их к военной разведке.

б) подобное желание возникло у И. Сталина (И. Джугашвили) в силу гениального понимания сути коммунистического строя – он может существовать лишь в мировых масштабах, а не в отдельно взятой стране;

в) И. Сталин (И. Джугашвили) привёл к власти А. Гитлера с целью использовать того как «бомбу», заложенную под капиталистическую Европу;

г) И. Сталин (И. Джугашвили) в 1941 году планировал провести против III Рейха стратегическую наступательную операцию с тем, чтобы внезапным решительным ударом покончить с А. Гитлером и захватить Европу;

д) И. Сталин (И. Джугашвили), готовясь к войне с III Рейхом, создал мощнейшие в мире вооружённые силы;

е) И. Сталин (И. Джугашвили), вообще, был хорошим человеком и фанатичным коммунистом, которому пришлось возглавить государство в трудный период.

Я собираюсь опровергнуть все эти тезисы, используя широкую доказательную базу с тем, чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений в правоте высказанных мной суждений. Кроме перечисленных выше утверждений В. Суворова (В. Резуна), которые расцениваются мной как важные составляющие созданной им теории, я уделю достаточное внимание и относительно малозначимым её аспектам, например, причинам, по которым И. Сталин (И. Джугашвили) не любил носить мундир генералиссимуса (В. Суворов (В. Резун) определяет причину данной привычки однозначно как

стыд за якобы проигранную Вторую мировую войну). Без внимания не останутся и вопросы, которые представляются достаточно спекулятивными – например, был ли выдающимся полководцем маршал СССР Г. Жуков или всё-таки не был (в своих трудах В. Суворов (В. Резун) кардинально меняет высказываемое мнение от дифирамбов до острой критики, посвятив последней отдельную книгу с характерным названием «Беру свои слова обратно»). Под спекуляцией в данном случае подразумевается попытка дважды продать один товар (биографию маршала СССР Г. Жукова) одному и тому же читателю; причём В. Суворов (В. Резун) пользуется приёмами, которые едва ли уместны даже в научно-популярной литературе, скорее, употребляясь жуликам, в изобилии толпящимся на базарах и стихийных рынках. Тем не менее, начав с личностей, нельзя брезговать и их неоднозначными по форме, но всё-таки касающимися насущной тематики высказываниями и теориями. Ну, и самое важное: вопросы, касающиеся мира и войны (а что может быть страшнее и важнее?), геополитики и дипломатии, призывников, резервистов и вооружений – всё это станет предметом нашего с читателем разговора.

Глава 1. Столкновение империй

Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар – обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть, точно школьный глобус

Л. Троцкий (Л.Бронштейн)

Теоретики коммунизма, изучавшие развитие общества, утверждали, что капитализм – это просто формация, разновидность государственного строя и экономических отношений, основанная на частной собственности и эксплуатации наёмного труда капиталом. Капитализму предшествует феодализм и сменить его неизбежно должен социализм. На самом деле теорий того, что есть капитализм, было гораздо больше, однако оговорюсь: здесь рассматривается лишь та, что возобладала в СССР. Критики также легко найдут в подобных утверждениях, сформулированных К. Марксом и Ф. Энгельсом, множество слабых мест, однако же противоречить выводам марксистов легко, гораздо труднее оспаривать реальную последовательность исторических событий, на которой основаны наблюдения, положенные в основу данной теории.

Первое возражение классикам: частная собственность существует с незапамятных времён, а деньги, пусть и примитивные, в виде ракушек (Океания), кусочков янтаря (Север-

ная Европа), серебра, меди и золота (Ближний Восток), используются лишь немногим меньше. Соответственно, первые накопления, как и первый собственно найм работников, датируется приблизительно тем же периодом. Чеканка монет насчитывает около 2700 лет; возникают профессии, абсолютно не связанные с производством материальных благ или, тем более, продуктов питания. С течением времени общественное устройство постоянно усложняется: например, древний Карфаген определяется марксистами как рабовладельческая формация, однако это далеко не в полной мере соответствует истине: рабский труд используется для накопления капитала, и подлинно капиталистические, в понимании марксистов, отношения, таким образом, существуют, пусть и в ограниченном кругу граждан. Одновременно Карфаген содержит большую постоянную армию на условиях, вполне соответствующих понятию «наёмный труд».

Впоследствии, в связи с падением Карфагена, пальма первенства в вопросах накопления капитала перешла к Риму, который, в завершающий период существования Западной Римской империи, едва ли может считаться подлинно рабовладельческим государством – как в связи с переходом к колонату (труду зависимых крестьян, по условиям весьма схожему с таковым при феодализме), так и по причине подмены товарно-денежных отношений натуральными. Последнее явление объясняется порчей монеты; широкое распространение христианства в данный период, по форме вероучения

имеющего много общего с социализмом, едва ли является простым совпадением.

Таким образом, уже после самого краткого анализа истории только Древнего мира можно прийти к самым различным выводам: а) учение марксистов в корне неверно; б) учение марксистов верно – и даже более того, верно в отношении отдельных периодов, каждый из которых повторяет историю человечества в целом, проходя те же стадии. Второе предположение чуть ближе к истине, с чем могут согласиться приверженцы многочисленных теорий цикличности цивилизаций. Данный вопрос тщательно прорабатывался, в частности, О. Шпенглером и А. Тойнби.

А. Тойнби, изучая отдельные культуры, выделил 4 стадии развития общества: возникновение, рост, надлом и распад. Так как отдельные культуры зачастую занимали значительную территорию, а их соседи использовали в той или иной мере схожий тип производства, что в значительной мере позволяет расширить применение данных понятий, то можно полагать концепцию А. Тойнби верной и для отдельных исторических периодов – и даже для человечества в целом. Это не позволяет отбрасывать марксистскую теорию как абсолютно порочную, а лишь указывает на то, что она несколько старомодна и неполна, хотя многие из её составляющих отнюдь не являются ошибочными. Однако же главным является то, что империализм как высшая стадия капитализма (по К. Марксу) содержит все отличительные черты над-

лома цивилизации (по А. Тойнби), следовательно, коммунистическое общество, возникающее в результате краха империализма (и империй), является отнюдь не высшей стадией развития общества, а наоборот – наиболее примитивной и упадочной, соответствующей стадии распада.

Можно, конечно, не соглашаться с А. Тойнби, да и со мной тоже, но «пасторальная» жизнь первых христиан в катакомбах Рима и на его развалинах, несмотря на ярко выраженные элементы социализма, в общем, не очень вдохновляет. Вероятно, К. Маркс грубейшим образом ошибался – либо же попросту лгал. Если лгал он в интересах Мировой социалистической революции, то его корыстный интерес вполне понятен: он рассчитывал возглавить всеобщее восстание в период глубочайшего кризиса, в явном стремлении подняться на самую вершину власти, пока общество ещё не развалилось окончательно. Что ж, второе предположение весьма близко к истине: К. Маркс явно уготовил себе роль нового Христа, и, как ни странно, даже добился своего; при этом ему удалось избежать распятия.

Расчёт марксистов на постепенное усиление позиций в обществе был абсолютно верным. Постоянный рост производительных сил (т.н. индустриализация), наблюдавшийся, начиная с XIX века, неизбежно уменьшал зависимость капитала от ручного труда, а значит, обеспечивал марксистам, возглавляющим стачки, гарантированные успехи в борьбе за права трудящихся – фактически, капиталисты зачастую ока-

зывались в обстоятельствах, когда бастующие требовали от них уступок, на которые они сами были готовы пойти. От простых фабрик цены на их продукцию только росли, в то время как общественная активность значительных масс трудящихся загонялась в жёсткие шоры «партийной необходимости», причём речь зачастую шла о подпольных партиях, в то время как на злоупотребления на настоящих выборах (которые и давали капиталу реальную политическую власть) пролетариат был вынужден закрывать глаза. Подобное положение вещей, до известной степени, выгодное обеим сторонам, существовало достаточно продолжительный период времени, пока...

...Пока не наступил общий кризис капитализма. Подобные кризисы случаются достаточно часто, и связаны они с цикличностью экономических процессов; нередко в их результате разгораются войны. Кризису всегда предшествует возникновение «мыльного пузыря», когда наблюдается стремительный, зачастую спекулятивный, рост стоимости активов, в значительной степени не обеспеченных золотом или товарами.

Лопнувший «мыльный пузырь» немедленно вызывает обвал на фондовом рынке, поскольку снижается доверие ко всем компаниям, действующим в данной отрасли, активам аналогичного типа и т.д. Высока опасность возникновения цепной реакции, в результате которой все ценные бумаги в одночасье теряют всяческую стоимость, а экономика попро-

сту перестаёт функционировать².

Кризис доверия, не позволяющий восстановить кредит, приводит к необходимости государственного вмешательства; последнее вынужденно сопряжено с инвестициями в производство вооружений, так как порождённый крахом фондовых бирж кризис доверия в международных отношениях чреват войной. Производство товаров на замкнутых внутренних рынках, особенно вооружений, вскоре сталкивается с кризисом сбыта продукции, именуемым обычно кризисом перепроизводства.

Со временем война становится попросту закономерным и неизбежным исходом сложившейся ситуации, когда одни, и не вполне необходимые широкому потребителю (в мирное время), товары имеются в избытке, в то время как другие, необходимые, отсутствуют – их не хватает по причине того, что ранее они ввозились из-за рубежа (сами товары либо сырьё, из которого они производятся, либо технологии, позволявшие ввозить совершенные модели товаров³). Война уже выгодна капиталистам как способ заработать ещё больше (многократно больше) на военных контрактах, предусматривающих поставки в колоссальных количествах постоянно приходящей в негодность военной униформы, поглощае-

² В более ранних формах общества этим процессам соответствует порча монеты, содержание благородных металлов в которой постепенно уменьшается до размеров, когда она попросту перестаёт считаться платёжным средством.

³ Последняя форма кризиса характерна для Советского Союза периода «холодной войны».

мых солдатами продуктов питания и, конечно, расходуемых ими в колоссальных количествах боеприпасов. Одновременно война является и проявлением экономической конкуренции, когда одна из сторон активно противодействует другой в борьбе за новые рынки сбыта, рабочую силу, залежи полезных ископаемых и т.д., нехватка которых уже в мирное время ограничивает успешную деятельность компаний, как минимум, одного из государств, впоследствии вовлечённых в войну.

Причины этих кризисов, случающихся с завидной регулярностью, сложны, а соотношение порождающих их причин до конца не изучено. Однако демографический рост, новые изобретения, делающие неконкурентоспособными существующие способы производства, изменение государственных границ, особенно в результате войн – всё это делает кризис неизбежным.

Любопытен кризис, который привёл в окончательном счёте к Первой мировой войне. Он разразился в 1873 году и затянулся до 1896 года, получив название Долгой депрессии. Причины его в полной мере и весьма выпукло отражают все описанные выше процессы: баланс на европейском фондовом рынке был изменён франко-прусской войной 1870 – 1871 годов, в результате которой Франция лишилась важных в промышленном отношении Эльзаса и Лотарингии. Любопытно, что в данном случае от перестановки слагаемых сумма в данном случае изменилась, ведь французская экономи-

ка утратила поступления от тамошних железорудных и текстильных предприятий, в то время как германская – приобрела (но в качестве прибавки к уже существующим). В результате французская экономика, отягощённая выплатами репараций (5 млрд. франков⁴, что составило 1450 т чистого золота), пережила тяжёлый кризис, в то время как германская – взлёт, впрочем, достаточно спорный. Большая часть полученных денег была инвестирована немцами в погашение долгов поглощаемых ими мелких германских государств и в строительство новых железных дорог.

Победа над Францией была обеспечена, главным образом, развитыми железнодорожными сообщениями, позволившими осуществить стремительное развёртывание численно превосходящих сил на театре военных действий. Государственное развитие Германии, вне сомнения, также связывалось с дальнейшим развитием железнодорожной сети, что давало ей значительные экономические и военные преимущества.

Австро-Венгрия, получившая такое название в 1867 г. в результате проигранной немцам войны 1866 г. (также именуется Семинедельной), была вынуждена следовать за своим, стремительно набирающим авторитет, соседом, чтобы окончательно не развалиться. Компании, взявшиеся за ам-

⁴ Французский франк содержал 0,29 г чистого золота. Золотой паритет к началу Первой мировой войны составлял: немецкая марка – 0,36 г, российский рубль – 0,774 г, японская иена – 0,75 г, доллар США – 1,5 г, британский фунт стерлингов – 7,3 г.

бициозные проекты по скреплению разных частей дряхлой империи стальными нитями путей сообщения, не обладали собственным капиталом, широко полагаясь на акционерный. Последний К. Марксом прямо именовался фиктивным, и в этом случае он был прав как никогда. Вскорости возник пузырь, лопнувший 8 мая 1873 г. и приведший к панике и закрытию Венской фондовой биржи на 3 дня. 18 сентября в США неожиданно лопнул банк «Джей Кук и компания» (“Jay Cooke and Company”), связанный с «Северо-тихоокеанской железной дорогой» (“Northern Pacific Railway”). Последняя выпустила облигации на 100 млн. дол., которые не находили сбыта, что и вызвало банкротство. Уже 20 сентября Нью-Йоркская фондовая биржа была вынуждена закрыться на 10 дней в связи с тотальным обвалом на рынке ценных бумаг.

Относительно дальнейшего развития кризиса мнения экономистов расходятся: например, ряд американских специалистов отстаивает точку зрения, согласно которой спад остановился уже в 1875 г. Введение золотого стандарта в 1879 г. остановило дефляцию в США, поскольку теперь можно было не привязывать эмиссию к чеканке серебряной монеты, а печатать относительно большое количество бумажных денег. Подобные меры несколько оживили американскую экономику, которая страдала от застоя; её сотрясали крупные забастовки, вызванные безработицей и снижением номинальной заработной платы – в среднем на 25 %, а в ряде регионов

– даже на 50%. В том же 1879 г. в Германии были введены протекционистские тарифы, защищавшие национального производителя. В целом, в мире в период 1870 – 1890 годов выплавка железа выросла вдвое, с 11 до 23 млн. т, в то время как цена на него снизилась вдвое; одновременно выросла выплавка стали – в 20 раз. Цены на хлопок в период 1872 – 1877 годов упали вдвое, а на зерно – втрое (в период 1867 – 1894 годов).

Цифры эти, по моему мнению, не свидетельствуют о том, что кризис был благополучно преодолен, и, тем более, о том, что он закончился уже в 1875 г. Наоборот, рост объёма выплавки железа, обратнопропорциональный цене, свидетельствует о том, что дополнительно выплавленный металл не находил рыночного спроса. Снижение цен на хлеб и хлопок свидетельствует о резком падении платежеспособности широких слоёв населения, что, конечно, способствует революционным настроениям и войнам. Вместе с тем сталелитейное производство, выросшее в 20 раз, явно переживало резкий качественный скачок. Его проще всего связать не столько со строительством железных дорог, сколько с дальнейшим развитием технологий, в частности, с широким внедрением бессемеровского способа выплавки стали.

В этот период появились также более мощные паровые машины и технологии, позволяющие строить большие корабли со стальными корпусами; все флоты мира срочно запустили в серию угрожающего вида броненосцы с крупнокали-

берными артиллерийскими орудиями. Это вызвало своеобразный «колониальный бум», подобный «железнодорожному», который получил название неокOLONиализма, или империализма. Развитые страны спешно бросились захватывать новые территории в Африке, а там, где не имели к ним доступа – проводить передел старых. В конечном итоге, «колониальный пузырь», который не всегда был связан с банкротством тех или иных компаний, но во всех случаях приводил к убыткам и вооружённым конфликтам, поставил мир на грань войны.

Англо-бурские (1880 – 1881 гг. и 1899 – 1902 гг.) и американо-испанская (1898 г.) войны показали, что, как минимум, две страны претендуют на господство в Мировом океане и, соответственно, на прибыли от торговли в его водах – Великобритания и США. Было и третье государство, не с таким мощным флотом, но с самыми сильными в Европе (и в мире) сухопутными войсками. В 1895 г., когда буры отразили нападение отрядов Л. Джейсона, финансировавшийся тогдашним премьер-министром британской Капской колонии С. Родсом, кайзер Вильгельм II послал президенту Трансваля П. Крюгеру поздравительную телеграмму. Среди буров многие имели немецкие корни, к тому же Германия снабжала их оружием, рассчитывая получить доступ к богатствам недр Южной Африки – золоту и алмазам.

Телеграмма, угрожавшая англо-германской войной, вызвала большой резонанс в международных кругах; в 1899 г.,

за семь месяцев до начала второй войны с бурами, С. Родс неожиданно посетил Берлин. Он был весьма благосклонно принят Вильгельмом II, который охотно согласился на то, что через земли немецкой Восточной Африки будет проложена железная дорога Кейптаун – Каир. Взамен С. Родс обнадёжил его предложением построить дорогу Берлин – Багдад. Несмотря на то, что трансафриканский проект С. Родса до сих пор так и не завершён, а Багдадская железная дорога была введена в строй только в 1940 г., важно то, что стороны договорились, причём Вильгельму II, отличавшегося исключительной заносчивостью, вполне хватило обязательств частного лица, недавно занимавшего пост в британской колониальной администрации. К императору России Николаю II, например, Вильгельм II обращался запросто: *«кузен Ники...»*. Передел мира, шедший в те годы с неслыханной активностью, имел свою неписаную иерархию.

Глава 2. Создание Федеральной резервной системы

Я всегда знал, что рождён для чего-то большего
Дж. Рокфеллер

«Колониальный пузырь», пиком которого стала карательная экспедиция в Китай войск Альянса восьми держав в 1900 г., начал понемногу блекнуть уже во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. между двумя недавними участниками Альянса. Война проходила при негласной поддержке Японии Германией и Великобританией и закончилась арбитражем со стороны США. В целом, стало понятно, что зародившийся в последние десятилетия новый тип производительных сил достиг уровня, позволяющего осуществлять передел мира не только за счёт африканских, но и более развитых стран, в частности, Китая и России.

Накопившиеся последствия Долгой депрессии, в первую очередь, обозначившаяся ориентация промышленности ведущих стран на производство морских вооружений, имели развитие в виде стартовавшей в 1906 году «дредноутной гонки»⁵. Строительство мощных военных кораблей, ещё как

⁵ Начало ознаменовалось спуском на воду британского линейного корабля «Дредноут» (“Dreadnought”, англ. «неустрашимый»), нового, революционного типа. Главным отличительным признаком «Дредноута» была ставка на высокую огневую мощь прежде всего орудий главного калибра 305 мм – он имел их 10,

будто не имевшее связи с будущей войной в Европе, привело к Агадирскому кризису 1911 г., обострившему франко-германские отношения из-за противоречий насчёт дальнейшей судьбы султаната Марокко. В этот момент Антанта (союз Франции и России, к которому присоединилась Великобритания) продемонстрировала свою готовность выступить против Германии единым фронтом.

Уже через несколько месяцев из цепи европейской безопасности было вырвано её слабейшее звено: Италия, на тот момент являвшаяся союзником Германии, начала войну против Турции, захватив Триполитанию, Киренаику и Додеканесы. Поражения турок, а также дороговизна кампании, вызвавшая кризис в Италии, привели к заключению мирного договора, по которому итальянцы выводили войска с занятых территорий; Триполитания и Киренаика (составляют территорию современной Ливии) получали автономию, при распределении административных постов в этих провинциях турки обязывались согласовывать данные вопросы с итальянцами.

Впрочем, ещё до завершения войны с Италией Порту постигла новая напасть: её атаковали войска Болгарии, Греции, Сербии и Черногории, ознаменовав тем самым начало I Балканской войны. «Больной человек Европы», Османская империя, за год утратила большую часть своих владений на континенте; вспыхнувшая тут же между недавними союзни-

ками II Балканская война (к участию в которой они призвали и недавнего врага, Турцию) показала, насколько ненадёжными и вызванными политической конъюнктурой являются новейшие военные союзы. Очевидно, противоречия, требовавшие всеми неправдами расширять собственную территорию, имели целью компенсировать как недостаточность собственной экономики такими экстенсивными средствами, так и стремление разрешить застарелые этнические и религиозные конфликты, для чего современное оружие давало все возможности.

Немаловажно и то, что оружие к тому времени стало настолько дешёвым и простым в применении, что с ним мог управляться практически каждый мужчина после весьма непродолжительного обучения. Одновременно демографический скачок, обусловленный успехами сельского хозяйства (увеличением производства пищи), и индустриальная революция, высвободившая множество рабочих рук, поставляли армии огромное количество рекрутов. Большая европейская война (в дальнейшем известная как Первая мировая) становилась, таким образом, неизбежной.

Англо-бурскую войну 1899 – 1902 годов, русско-японскую войну 1904 – 1905 годов, итало-турецкую войну 1911 – 1912 годов и Балканские войны 1912 – 1913 годов, вследствие указанных выше причин, можно рассматривать как всё нарастающий и постепенно приближающийся к сердцу Европы вооружённый конфликт. Как бы странно это ни про-

звучало, но данные войны не были случайными столкновениями и не могут рассматриваться в отдельности от Первой мировой войны, так как составляют её предысторию, а при более широкой трактовке понятий – даже неотъемлемую составляющую.

Наиболее любопытным событием, завершившим данный период, стало создание 23 декабря 1913 г. Федеральной резервной системы США. Это государство ещё не было №1 в международной политике, однако его финансовая и промышленная мощь представляли собой гигантский потенциал; морская же торговля США уже тогда представляла собой значительный сегмент мирового рынка. Создание ФРС можно рассматривать как тревожный симптом: США устанавливали централизованное управление над финансовыми ресурсами, словно готовились к великому испытанию, и это не могло не сказаться на мировой торговле. Торговля – антоним войны, и в условиях, когда морские коммуникации тесно связывают ведущие государства мира, упадок международной торговли неизбежно ведёт к мировой войне.

Глава 3. Сколачивание Антанты

Я схожу с ума, когда думаю о перспективах России, мы станем самым великим народом, самым великим государством, всё в мире будет делаться с нашего разрешения

Николай II Гольштейн-Готторп-Романов

Англо-бурская война 1899 – 1902 гг., в которой, кстати, формальным агрессором выступили буры, осуществившие превентивное нападение, позволила Великобритании укрепить свои пошатнувшиеся финансы, так как предоставили в её распоряжение сказочно богатые золотые копи, а золото в тот период и являлось мировой валютой. Э. Саттон, профессор экономики Калифорнийского университета, сказал о периоде, предшествовавшем Первой мировой войне: *«Золото и серебро являлось смирительной рубашкой для финансовой системы»*. Это чистая правда, и золото Южной Африки, совершенно очевидно, стало стартовым капиталом, позволившим Британии разорвать эти путы и оплатить новую «гонку вооружений». Впрочем, золоту трудно тягаться со сталью, по крайней мере, оружейной, в платежеспособности, и войны непременно должны были разразиться. Там, где англичане не могли заплатить золотом, остальные страны непременно должны были предложить что-то более весомое – свои шпаги, верность союзническому долгу... и, конечно, кровь миллионов солдат.

Ещё до завершения войны Великобританией был заключён союзный договор с Японией, который предусматривал нейтралитет в случае войны с какой-либо другой державой и военную помощь в случае вмешательства в войну другого государства. В целом, имелся в виду нейтралитет Великобритании в случае русско-японской войны – и британское же военное участие в войне, если Франция, верный союзник России, вдруг вздумает к ней присоединиться. Французский флот не мог сравниться с британским и, как только война между Россией и Японией разразилась, после первых громких заявлений, получив также суровое предупреждение от США, Париж резко снизил тон, а затем и вовсе затих.

Россия, кстати, отнюдь не была невинной жертвой. Её политика на Дальнем Востоке представляла собой пример крайней агрессивности: 8 апреля 1902 г. было заключено русско-китайское соглашение, по которому Россия должна была вывести свои войска из Маньчжурии в 3 этапа, в течение 18 месяцев, которое, однако, не было выполнено. В связи с этим Англия, США и Япония заявили официальный протест. Кроме фактической оккупации Маньчжурии, имели место и провокации в Корее, на территории японской лесозаготовительной концессии на реке Ялу.

Когда война началась, президент США Т. Рузвельт, заинтересованный в получении прибылей от военных поставок, заявил немецкому послу Штернбургу: *«В наших интересах, чтобы война между Японией и Россией шла до тех пор, пока*

обе страны добьются максимально возможного истощения друг друга, чтобы территории, где сталкиваются их интересы, продолжали и после заключения мира служить тем же целям, и чтобы границы их сфер влияния скрещивались таким же образом, как и до войны». Это следует полагать отношением США вообще ко всем войнам, в которых США не участвуют.

Одновременно Японии был открыт кредит в английских банках, позволивший ей в короткие сроки построить один из сильнейших в мире военных флотов. Если уж совсем точно, флот большей частью был построен в Великобритании⁶ – и на британские же деньги, взятые займы. Только в ходе войны с Россией Япония получила кредитов на 725 млн. иен, что составило, за вычетом комиссионных, 698 млн. иен, или 349 млн. долларов. Для сравнения: «Дредноут», линкор более современного типа, нежели те, что принимали участие в Цусимском сражении, стоил 1, 79 млн. фунтов стерлингов, или 8, 69 млн. дол., то есть военных займов хватило бы на покупку целого флота из 40 новейших линкоров. Кстати, «Дредноут» настолько превосходил своих предшественников, что те по большей части теряли право называться линкорами. Поэтому Япония, начав войну 8 февраля 1904 года внезапным нападением миноносцев на корабли Тихоокеанской эс-

⁶ Нужно признать, что несколько кораблей из собственного могучего флота Япония построила самостоятельно. Некоторое участие приняли также верфи Германии, Франции – и даже США.

кадры Балтийского флота, стоявшие на рейде Порт-Артура, поступила крайне прозорливо: уже несколько лет спустя, когда в составе флотов неминуемо появились бы «дредноуты» и «супердредноуты», её новенький флот мог бы оказаться не слишком эффективным. Как нетрудно догадаться, решения японцев в значительной степени принимались под диктовку из Лондона, где график развития военно-морского судостроения на ближайшие годы был хорошо известен.

Мнение президента США – и суть американских интересов – по данному вопросу уже известны. Французы, столкнувшись с прямыми угрозами, с лёгкой душой согласились на взятку: 8 апреля 1904 г., ровно через 2 месяца (и через 2 года после подписания невыполненного Россией русско-китайского соглашения) после начала войны, Великобритания и Франция заключили союзный договор (позже, в 1907 г., было подписано и русско-английское соглашение соответствующего содержания).

Поражение России и содержание Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года, по которому она шла на значительные территориальные уступки, достаточно хорошо известны, чтобы останавливаться на них подробно. Наибольший интерес вызывают последовательные действия Великобритании, ведь, как бы странно это ни звучало, она столкнула лбами Японию и Россию (причём японский флот был построен британцами за британские же деньги) лишь затем, чтобы стать союзницей России в альянсе против могучей

Германии! Большевики всегда объясняли подобные кульбиты в международной политике очень просто: капиталисты стремятся к сверхприбылям от военных заказов, поэтому и влияют на политиков, повсюду разжигая войны. Большевиков, однако, трудно назвать незаинтересованной стороной. их первейшей задачей как революционеров всегда являлась дискредитация властей и, особенно, капиталистов. К тому же многие из них, в том числе и В. Ленин (В. Ульянов), подолгу жили в Лондоне и могли по достоинству оценить его гостеприимство. Такие вещи не забываются. Кстати, британец Н. Анжелл в 1910 г. опубликовал книгу «Великая иллюзия», в которой опровергал утверждения о якобы прибыльном для капиталистов характере затяжной войны на истощение. Будущее подтвердило – причём в течение нескольких лет – его несомненную правоту.

В чём же всё-таки причина столь странного поведения британских дипломатов в 1902 – 1907 годах (начиная с 1898 г., если учитывать дату закладки «Микасы», флагмана будущего японского флота)? Нетрудно догадаться, что сроки перекрываются с англо-бурской войной, которая дала англичанам золото на ряд насущных проектов, и революцией 1905 – 1907 годов в России. Последняя, кстати, была отмечена любопытным инцидентом: полковник японской разведки М. Акаси выдал сумму, адекватную 100 тыс. руб., на нужды революции. На эти деньги в Лондоне был куплен пароход «Джон Графтон» (после цепи перепродаж перешёл

от японских фирм к социалистам-революционерам, или эсерам), а также 16 тыс. винтовок канадского и швейцарского производства, 3 тыс. револьверов, 3 млн. патронов и 3 тонны взрывчатки. Об операции стало известно царской «охранке», в частности, известному провокатору Гапону, который пообещал принять самое деятельное участие в восстании, как только оружие прибудет. Думаю, нетрудно догадаться, что оружие так никогда и не достигло пункта назначения: «Джон Графтон» сел на мель в одной из балтийских шхер; оружие, как минимум, частично, было выгружено на близлежащие островки. Когда корабль взорвался (вероятнее, был подорван командой) следы оружия теряются, вероятно, оно также попало в руки властей. К тому времени, правда, царём уже был подписан манифест об учреждении Думы; Россия перестала быть самодержавной страной.

Вкратце обдумав последовательность действий, осуществлённых английской стороной, и событий, случившихся с её ведома, легко прийти к выводу: Великобритания не только присоединилась к Антанте, но и позаботилась о том, чтобы у России на Дальнем Востоке не осталось никаких государственных дел. Очевидно, германские и британские интересы сталкивались в то время в слишком многих местах (на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Африке, в Северном море, в бассейне Средиземного моря), дабы война стала неотвратимым явлением в умах английских дипломатов и промышленников. Участие Франции в войне с Герма-

нией вообще было вопросом, не требующим ответа: французы изъявляли готовность пойти на что угодно ради возврата им Эльзаса и Лотарингии. В силу относительной военной слабости Италии, хоть и являвшейся членом Тройственного союза, но явно не разделявшей тевтонской воинственности, охватившей её партнёров, Германию и Австро-Венгрию, её нельзя было полагать надёжным членом данного альянса — он заключался совсем в иных геополитических условиях, нежели имевшие место в 1914 г.. Будущее показало, что Италию в гораздо большей степени интересуют территории Турции, которая обречена стать жертвой британских интересов на Ближнем Востоке. Это свидетельствовало о том, что Италия, вероятно, выйдет из Тройственного союза под предлогом его формально оборонительного характера и, вероятно, даже присоединится к Антанте, как, в конце концов, и произошло, в то время как Турция, напротив, присоединится к Германии и Австро-Венгрии.

Если же говорить о геополитических интересах России, то здесь наблюдается явный дуализм: с Парижем (и, соответственно, с Антантой) её связывали десятилетия сотрудничества в военной, финансовой и политических сферах. Однако война с Германией угрожала стать по-настоящему опустошительной и едва ли стоила того: Россия и так с трудом контролировала свои западные губернии, в которых постепенно креп национализм. С другой стороны, восточный вектор экспансии, дававший выход к Тихому океану, сулил большие

выгоды. Маньчжурия, Ляодунский полуостров, даже Китай – все эти территории в перспективе могли стать тем, чем стала Индия для Британской империи – и даже более того. Великобритания распорядилась иначе...

Однако война даже с Японией требовала от переживающей трудные времена России обезопасить свои границы со странами Тройственного союза, фактически, расторгнуть договор с Францией. В пользу такого решения были и династические связи. В конечном итоге, Николай II именно так и поступил: пригласил «кузена Вилли» на свою яхту «Поллярная звезда» и 24 июля 1905 г. (н. ст.) в семейном кругу спокойно подписал союзный договор, получившего название Бьёркского, чем привёл в транс всех царских придворных и крупную буржуазию, так как возникла угроза разрыва отношений с Францией – и с Великобританией.

Бьёркский договор должен был вступить в силу после завершения войны с Японией, причём Россия обязывалась «побудить» Францию присоединиться к нему (фактически, даже дипломатической ноты подобного содержания было бы достаточно, чтобы французы оскорбились и расторгли соглашение с Россией, на что Вильгельм II, очевидно, и рассчитывал). К тому времени Россия отчаянно нуждалась в союзниках (Франция, фактически, устранилась от вмешательства в исход войны), в то время как японцы как раз высадились на Сахалине. Не исключено, что позиция Германии стала тем фактором, который повлиял на Японию. Правда, «ку-

зен Вилли» был наказан за свою доверчивость: «Ники» осенью того же года сообщил ему, что Франция не слишком-то готова присоединиться к данному союзу, а договор-де подразумевал действительность его только при участии французов (!). Очередной кредит, спешно предоставленный французами, несомненно, повлиял на принятие Николаем II такого решения.

Вообще, рассматривая весь дипломатический маскарад последних 15 лет, предшествовавших началу войны, легко ощутить некую брезгливость – ведь каждое сомнительное соглашение подобного рода уже тогда обходилось в сотни тысяч человеческих жизней. В любом случае, в результате Россия была возвращена в Антанту (крепкими руками самураев, выдворивших её с Ляодунского полуострова), а её войска теперь имели только одну законную цель – страны Тройственного союза. Возникновение парламентаризма в России, в соответствии с конституцией 1905 года, должно было в дальнейшем послужить достаточной гарантией того, что «кузен Ники» более не станет уединяться с «кузеном Вилли» и подписывать всякие негодные бумажки.

Надвигалась Первая мировая война – и Мировая социалистическая революция.

Глава 4. Позиционный кошмар – могила народов

Никто не станет отрицать, что война – весьма доходный бизнес для тех, кого устраивают такого рода деньги. Война – это денежная оргия, это кровавая оргия

Г. Форд

О. фон Бисмарк, немецкий канцлер, превративший Пруссию в Германскую империю, говорил: *«Если начнется в Европе война, то из-за какой-нибудь глупости на Балканах»*. Поразительная точность этого предсказания позволяет предположить, что оно было исполнено именно с этой целью – с целью начать «большую войну».

Как минимум, одна из сторон могла предвидеть такие последствия гибели эрцгерцога Франца Фердинанда – речь идёт, конечно же, об убийцах из сербской националистической организации «Чёрная рука». Её лидер Д. Димитриевич, возглавлявший одновременно сербскую контрразведку, уже успел остаться в истории как убийца собственного монарха: в 1903 г. он и группа офицеров убили короля Александра Обреновича и его жену Драгу прямо во дворце, буквально изрешетив их пулями.

Сербия, активно участвовавшая, на деньги Антанты, в обеих Балканских войнах, теперь самым очевидным обра-

зом выступила инициатором очередной войны, уже всевропейской, причём для самой Сербии это была уже третья война за три года, не считая неудачной попытки аннексии Албании. Д. Димитриевич и его единомышленники были рады свергнуть остальной мир в тот кровавый кошмар, который только что пережили Балканы, и даже более того – они сами выступили марионетками в руках тех сил, что, не обладая достаточным влиянием в родной Франции, России, Австро-Венгрии или Германии, чтобы начать войну, искали возможность использовать для этого вспыльчивых сербов, будто бы находящихся на задворках Европы – но расположенных к сердцу континента достаточно близко, чтобы решительным выступлением задействовать систему военных союзов и вызвать тем самым цепную реакцию, которая даст начало «большой войне».

«Чёрная рука», являясь, по сути, теневой структурой сербской спецслужбы, ставила себе самые решительные цели, в первую очередь – возврат аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии. Окрепшая в ходе последних лет террористическая организация стала остро отточенным инструментом в руках сербских политиков, жаждавших и далее получать кредиты, оружие – и расширять подвластные территории. Наиболее предпочтительной целью выглядел наследник австро-венгерского престола эрцгерцог (аналог титула «великий князь») Франц Фердинанд, приходившийся императору племянником (родной сын Франца Иоси-

фа покончил жизнь самоубийством ещё в 1889 г.). Женатый на чешской графине Софии Хотек, Франц Фердинанд не пользовался должным уважением высших кругов империи; его брак откровенно называли морганатическим. Франц Фердинанд, чьи дети, согласно закону о неравных браках, не могли унаследовать престол, отстаивал идею создания триалистической монархии (кроме Австрии и Венгрии предполагалось выделить ещё и Слaviю), которой предстояло превратиться в конфедеративное государство Соединённые Штаты Великой Австрии. Подобные утопические идеи не прибавили ему сторонников, и когда сербы задумали свою «глупость», Франц Фердинанд и его супруга оказались беззащитными мишенями. 28 июня 1914 г. на их жизнь дважды покушались, причём первого покушения (взрыв бомбы, брошенной В. Чубриловичем, ранил 20 человек), оказалось недостаточно для того, чтобы изменить маршрут следования кортежа. Вторая попытка убийства оказалась более удачной: Г. Принцип стрелял с расстояния в полтора метра в эрцгерцога и его жену, смертельно ранив обоих.

Включая Г. Принципа, было арестовано 6 заговорщиков, из которых троих расстреляли. Сам Г. Принцип, будучи по австро-венгерским законам несовершеннолетним (ему исполнилось 19 лет), не мог быть приговорён к смертной казни и получил 20 лет тюремного заключения. 28 апреля 1918 г. он умер в тюрьме, официально – от туберкулёза (эта болезнь, которой Г. Принцип действительно болел, тогда считалась

неизлечимой, став главной причиной, по которой на него обратила своё внимание «Чёрная рука»). Бомбист В. Чубрилович, приговорённый к 16 годам тюремного заключения, уже в 1918 г., в связи с распадом Австро-Венгрии, очутился на свободе. Закончив гимназию и университет, в 1939 г. он стал профессором Белградского университета. Отсидев в период немецкой оккупации пару лет в концлагере за антинацистскую пропаганду, в послевоенный период он занимал должность министра СФРЮ, был академиком.

Несколько строже поступило сербское правительство с теми, кто организовал покушение: Д. Димитриевич и два его наиболее видных соратника были расстреляны в 1917 г. по приговору Салоникского трибунала.

Как легко заметить, австро-венгерские власти вынесли не в пример более мягкие приговоры. Почему так случилось? Совершенно очевидный ответ: Г. Принцип действовал в их интересах, положив начало той самой войне, которую все так долго ждали. Одна из версий убийства, кстати, рассматривает шофёра эрцгерцога в качестве соучастника преступления, что едва ли соответствует истине – просто высокомерие и небрежность присутствовавших на месте высших чинов не оставили Францу Фердинанду ничего иного, кроме как следовать далее по назначенному маршруту, как оказалось, навстречу своей гибели.

Чтобы подтвердить откровенную причастность к данному событию немецких и австро-венгерских спецслужб, доста-

точно процитировать тогдашнего главу немецкого генштаба Г. фон Мольтке-младшего. Уже в мае 1914 г., незадолго до покушения, он, оценивая подготовительные мероприятия по осуществлению мобилизации в случае войны, заявил К. фон Гётцендорфу, главе австро-венгерского генштаба: *«Начиная с этого времени, любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех»*. 1 июня, за четыре недели до покушения, в разговоре с бароном фон Эккардштейном, он, словно ожидая чего-то, заявил ещё более откровенно: *«Мы готовы, и теперь, чем скорее, тем лучше для нас»*.

Сразу же после этого двойного убийства, всколыхнувшего европейскую общественность, последовал обмен ультиматумами между странами-участницами конфликта. Сложная структура военно-дипломатических отношений, стратегические особенности операционных планов, имевших собственные приоритеты – всё это привело к тому, что о самом убийстве вскоре чуть ли не забыли.

Сербия, согласившись на ультимативные требования Австро-Венгрии самым жёстким образом наказать виновных (что потом и было сделано, несмотря ни на что), через месяц, 28 июля, оказалась в состоянии войны со своим соседом. Германия, которой не понравились мобилизационные предприятия в России, объявила ей войну 1 августа. Так как основным противником немцы полагали союзную России Францию, большая часть их войск (7 армий из 8) устремилась на запад, в тот же день аннексировав нейтральный

Люксембург(!). Бельгия (также нейтральная), чья территория представляла собой отличный плацдарм для развёртывания широкого фронта наступления, столкнулась с ультиматумом кайзера: пропустить немецкие войска. Справедливый отказ привёл к вторжению, которое началось 4 августа, днём ранее немцы объявили войну Франции. Единственный, кто посмел сам первым объявить войну Германии (4 августа), был британский король Георг V.

Очевидная агрессивность Германии, которая, казалось, вообще не имела никакого отношения к вопросам правосудия в Дунайской монархии, свидетельствует о том, что она и была в первую очередь заинтересована в «какой-нибудь глупости», чтобы обеспечить участие Австро-Венгрии в войне. Франция, чьи эмиссары имели большое влияние на сербский двор (и на Д. Димитриеви́ча), конечно, также рассчитывала найти повод для участия России в конфликте – хотя бы под предлогом помощи братским славянским народам.

С точки зрения коммунистов, особенно большевиков, все эти события выглядят исключительно кризисом капиталистических отношений, негласным сговором крупных промышленников, желающих получить от войны те прибыли, которых не могут добиться нормальным путём. К сожалению, такое утверждение верно лишь отчасти, что убедительно доказал Н. Анжелл и последующий ход событий. Как нетрудно заметить, кризис предыдущих десятилетий привёл к массированию частного капитала (впитывавшегося огром-

ными акционерными обществами) и сращиванию его с военно-промышленной отраслью. Крупный капиталист поглощает более мелкого, даже если они производят совершенно разные товары; в конечном счёте, концентрация капитала вышла на уровень государственных бюджетов, и крупные страны начали поглощать более мелкие – даже если те им и не угрожали.

На данные события можно взглянуть и с другой стороны: тип производительных сил, основанный на выплавке стали и движении при помощи пара, столкнулся с новым, более совершенным. Двигатель внутреннего сгорания, уверенно прокладываявший себе дорогу как более эффективный источник энергии для средств передвижения (включая авиацию), использовал горючее, которое производилось путём перегонки нефти. Нефть должна была стать новым ключевым энергетическим ресурсом, сменив уголь. Германия, обладавшая значительными залежами каменного угля, собственной нефти не имела, и, чтобы не оказаться отброшенной на обочину истории, вынуждена была бороться за доступ к её месторождениям.

Вопрос нефти в 1914 г. ещё не поднимался ни одним из немецких военных, однако очевидный факт, свидетельствующий о том, что будущее – за двигателем внутреннего сгорания, являлся несомненным. Чтобы не оказаться в роли, знакомой всем держателям крупных пакетов акций обанкротившихся компаний, немцы перешли в самое решительное на-

ступление. Немцы, учитывая общее соотношение сил, были обречены на поражение – как и Россия, формально относившаяся к Антанте, но географически изолированная от неё и имевшая перед собой слишком сильных противников. В конечном итоге, даже Франция и, как ни странно, Великобритания, узнали, что более всех свои позиции в мире усилили США, которые приняли в войне ограниченное участие – но пожали уже почти спелые плоды победы.

Вообще, военное поражение России, которое и стало одной из главнейших причин обеих революций 1917 г., представляет собой тему, требующую настолько обширного и глубокого исследования, что оно едва ли возможно в рамках данной работы. Однако же здесь нельзя обойти вниманием главных виновников данной катастрофы. Культ генерала А. Брусилова настолько прочно укоренился в нашем сознании ещё с советских времён (и, кстати, хвалебные оды ему поёт и В. Суворов (В. Резун)), что объективную оценку его достижениям – если таковые действительно имели место быть – никто до сих пор так и не попытался. Некоторые источники – сейчас не буду их называть, чтобы не повторять в каждой строке один и тот же псевдоним, сопровождаемый настоящей фамилией – ошибочно, а может быть, и лживо, имея определённый умысел, утверждают что А. Брусилов был единственным полководцем, которому в условиях позиционной войны удалось осуществить прорыв. Это, разумеется, далеко не так.

Позиционная война началась в результате невозможности ни одной из сторон одержать победу в многочисленных встречных сражениях, которые имели место в первые месяцы войны. Плотные цепи атакующей пехоты подвергались истреблению в результате смертельного воздействия огня скорострельной полевой артиллерии. Даже выйдя на расстояние нескольких сот метров к позициям противника, пехотинцы останавливались – их сдерживал кинжальный огонь пулемётов. Артиллерия стала основным средством поражения, и поддерживать интенсивность её огня, особенно артиллерии крупных калибров, можно было лишь, располагаясь на долговременных огневых позициях, к которым оборудованы пути подвоза боеприпасов, включая железнодорожные. Данный фактор особенно сковывал войска, начиная с осени 1914 г., всё более и более энергично окапывавшиеся. Тем не менее, попытки прорыва фронта предпринимались неоднократно – и зачастую оказывались успешными. Например, в феврале 1915 г. в лесах Мазурии, насыщенных болотами и озёрами, немцам в значительной степени удалось повторить свой успех полугодичной давности, когда они, ещё в период маневренной войны, окружили и уничтожили 2-ю армию генерала А. Самсонова. На сей раз П. фон Гинденбургу и его начальнику штаба Э. Людендорфу, возглавившим Восточный фронт, удалось прорвать линии 10-й армии (Ф. Сиверс) Северо-Западного фронта (Н. Рузский) и отсечь, окружить и практически уничтожить 20-й корпус.

В мае того же 1915 года между Вислой и Карпатами, неподалёку от селения Горлице, немецкая 11-я армия А. фон Маккензена прорвала оборону 3-й армии Р. Радко-Дмитриева⁷ Юго-Западного фронта (И. Иванов). Русская армия, испытывавшая к тому же острый дефицит артиллерийских снарядов (т. н. «снарядный голод»), была вынуждена отступать по всему фронту, чтобы избежать его распада и окружения крупных группировок.

Отход, получивший название Великого отступления, привёл к сдаче Ивангородской и Новогеоргиевской крепостей, а затем и крепостей Осовец, Ковно (Каунас), Гродно и Брест⁸. Построенные в стратегически важных точках, они представляли собой костяк русской оборонительной линии; падение этих крепостей угрожало всеобщим поражением и давало начало отложению Польши и Прибалтики. 4 августа немцы вошли в Варшаву, где немедленно началось формирование национальных («легионерских») добровольческих подразделений из числа поляков; этим войскам в ближайшем будущем предстояло стать главным оплотом зарождающей-

⁷ Н. Рузский и Р. Радко-Дмитриев казнены красными 1 ноября 1918 г. под Пятигорском. Не желая участвовать в братоубийственной войне, два генерала всё-таки оказались в неё вовлечены в результате действий белогвардейцев.

⁸ К этому списку можно добавить и крепость Перемышль, несмотря на то, что она была построена Австро-Венгрией и в предвоенный период прикрывала её территории от вторжения с востока. Взятый в марте 1915 г. после полугодичной осады, Перемышль был сдан совершенно безвольно: подразделения, укомплектованные ратниками (ополченцами) препятствовали ведению артиллерийского огня по противнику из опасения, что тот будет стрелять в ответ (!).

ся польской независимости. Великое отступление обошлось российской армии более чем в 1 млн. чел., большинство из которых сдалось в плен: вынужденные отходить, войска резко упали духом, участилось дезертирство на маршах и сдача вновь занятых позиций.

В период, когда отступление уже заканчивалось, немцам под Вильно (Вильнюс), опять-таки в полосе 10-й армии (Е. Радкевич), переданной Западному фронту (А. Эверт), удалось осуществить оперативный прорыв и ввести в возникшую брешь кавалерийскую группу (всего 6 дивизий), конные разъезды немцев вышли к Березине, перерезали шоссе Минск-Смоленск; в результате ожесточённых боёв, угрожавших окружением и разгромом 10-й армии, русской стороне пришлось оставить Вильно (Вильнюс). Впрочем, успешная локализация и ликвидация прорыва послужила доказательством того, что превосходство немцев, обозначившееся в 1915 г. в полной мере, ещё не является решающим.

Наконец, и русская армия, в частности, Кавказская армия под командованием Н. Юденича в ходе Эрзурумской операции (10 января – 16 февраля 1916 года), показала, что способна прорывать оборонительные линии противника. Операция, несмотря на то, что проходила в сложных климатических условиях в гористой местности, привела к разгрому 3-й турецкой армии, большую часть которой удалось уничтожить или захватить в плен.

Несомненно, Н. Юденич показал себя в этом сражении ге-

ниальным полководцем: он провёл тщательную авиаразведку укреплений противника, умело маскировал свои замыслы, выделил — новшество — штурмовые отряды, оснащённые пулемётами и лёгкой артиллерией, решительно применял ночные атаки. Н. Юденич смог ввести противника в заблуждение относительно своих замыслов: проводя наступление по всему фронту, он вводил войска на разных участках, от второстепенных к главным, с разницей во времени, что привело к сковыванию резервов противника и достижению тактической внезапности на участке прорыва. В конечном итоге, он разгромил противника наголову, овладев мощным укреплённым районом, полагавшимся неприступным. Главными составляющими его успеха стали: общая слабость турецкой армии, наполненной ненадёжным элементом, её плохое вооружение и выучка, которым русский военачальник противопоставил не только отчаянный напор, но и редкое умение продумать сложнейшую операцию, подготовить к ней собственные войска самым лучшим образом.

Нельзя не отметить и тот факт, что Эрзурумская операция подтвердила тезис, выдвинутый ещё К. фон Клаузевицем: горы являются весьма перспективным участком для наступления, несмотря на наличие сложных для преодоления участков обороны. Это объясняется тем, что сложный рельеф далеко не всегда позволяет обороняющейся стороне массировать резервы и маневрировать ими в соответствии с нуждами, возникающими в ходе сражения; асимметрия местности

по обе стороны фронта в этом случае даёт все преимущества атакующей стороне. Наступление немецких войск (О. фон Белов) под Капоретто в октябре-декабре 1917 года, участником которого стал Э. Хемингуэй, оставивший весьма яркое его описание в романе «Прощай, оружие!», послужила лишним доказательством данной теории. В данном сражении отличился Э. Роммель, будущий генерал-фельдмаршал нацистской Германии: командуя ротой альпийских стрелков, он захватил в плен 9 тыс. итальянцев и 81 орудие (!), за что был удостоен высшей награды в немецких вооружённых силах – “Pour le Mérite”.

Последний в Первой мировой войне прорыв эшелонированной обороны состоялся в битве у Мегиддо (19 сентября – 1 ноября 1918 года), когда Союзный египетский экспедиционный корпус (Э. Алленби) разгромил турецкую армейскую группу «Йылдырым», включавшую немецкие контингенты. Наступление проходило в крайне благоприятных условиях, среди которых наиболее значимыми являлись: общее количественное и качественное преимущество союзников, господство в воздухе, растянутые на равнинной местности позиции противника, наличие во вражеском тылу сильных партизанских формирований (Т. Лоуренс), возможность беспрепятственного флангового обхода линий противника подвижными соединениями. Данная операция уже содержала в себе основные элементы того, что потом было принято называть «блицкригом».

Итак, все эти примеры свидетельствуют о том, что прорывы неоднократно осуществлялись и до А. Брусилова, и после него, как немецкими войсками, так и союзными, в том числе русскими, причём на самых разных фронтах, исключая Западный фронт. Концентрация живой силы и артиллерии во Фландрии была настолько высока, а равнинная местность и развитая инфраструктура настолько благоприятствовали манёвру резервами в стратегических масштабах, что прорыв назрел лишь в момент, когда стоял уже вопрос об окончательном падении Германии. Прорыв этот, по причине готовности Германии к мирным переговорам, так и не состоялся; вторжению союзников на немецкие земли помешала и эпидемия смертоносного испанского гриппа, которая с ужасающей быстротой распространилась в войсках обеих сторон.

Глава 5. Брусиловский прорыв

На Запад! Крепительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Прорыв час наступления
М. Тухачевский, командующий Западным фронтом Республики, приказ №1423 от 2 июля 1923 г.

Брусиловский прорыв среди длинного списка удачных и не очень операций по прорыву фронта противника, предпринятых в ходе Первой мировой войны, стоит особняком – и не только потому, что он имеет собственное уникальное, неповторимое лицо, но и по своим совершенно катастрофическим последствиям. Нужно сразу же подчеркнуть общее в наступлении, начавшемся 4 июня 1916 года, с другими крупными наступлениями того периода, а также обратить особенное внимание на различия, которые со всей очевидностью и обусловили как весьма обнадеживающие поначалу результаты, так и последующие тяжкие неудачи.

А. Брусилов, следуя примеру своих немецких оппонентов, равно как и союзников по Антанте, выделил особые группы специально обученных солдат, которые должны были действовать на острие наступления. Вооружённые револьверами и ручными гранатами, они, следуя за огневым валом, имели задачей врываться в окопы противника и, подавляя его сопротивление, захватывать контроль над ключевыми точками оборонительной позиции в 1-й траншее. За ними сле-

довали густые цепи пехоты, составлявшие основную массу войск. Эти подразделения были разделены на два эшелона, имеющих по две «волны» (по 3-4 стрелковых цепи) каждый; им предстояло применять новый тактический приём – т. н. атаку «перекатами». 1-я «волна», перебегая 1-ю траншею, в которой действовали группы «чистильщиков», сразу же атаковала 2-ю траншею противника; 2-я «волна» атаковала и закрепляла 1-ю траншею, в то время как 3-я и 4-я «волны» атаковали 3-ю траншею противника, обычно замыкавшую оборонительную позицию и относившуюся к зоне полковых резервов. Таких позиций, как и на Западном фронте, обычно было 2-3, однако значительная протяжённость Восточного фронта не позволяла сосредоточить здесь большое количество орудий и пулемётов.

Победы, достигнутые в предыдущем году, убедили командование противника в утрате русской армией боеспособности, вследствие чего лучшие немецкие и австрийские дивизии были переброшены на Западный и итальянский фронты. Австро-венгерские и на отдельных участках даже турецкие дивизии, противостоявшие войскам Юго-Западного фронта, были укомплектованы неоднородным этническим составом, зачастую – призывниками старших возрастов; всё это подрывало и без того невысокий боевой дух противника.

Подобно англо-французским союзникам на Западном фронте, А. Брусилов провёл основательную артиллерийскую подготовку, длившуюся более двух суток (54 часа); артпод-

готовка англичан в ходе наступления на Сомме, например, в сентябре того же года длилась неделю, причём концентрация артиллерийского огня многократно превосходила созданную А. Брусиловым: общая численность орудий достигла 3500, то есть вдвое большего числа, чем на Юго-Западном фронте, причём они были сосредоточены на участке протяжённостью всего в 35 км, среди них преобладала артиллерия крупных калибров, а количество заготовленных на один ствол снарядов колебалось от 1700 до 3000.

Артиллерийская мощь Юго-Западного фронта не шла ни в какое сравнение с колоссальными огневыми возможностями союзников, более того, она была распылена на 11 (!) участков прорыва. Тем не менее, успех обозначился уже в первый день операции: австро-венгерские дивизии, большей частью укомплектованные солдатами славянских (чехи, словаки, словенцы, сербы, хорваты, поляки, русины) национальностей, численность которых достигала 40%, и венграми, начали массово сдаваться в плен, увидев в грядущем поражении Габсбургов возможность для возникновения собственных независимых государств. Весьма яркое и живое описание духа пораженчества, пропитавшего собой это воинство, оставил замечательный чешский писатель Я. Гашек, написавший юмористическую эпопею «Похождения бравого солдата Швейка». Сам Я. Гашек, также сдавшийся в плен, впоследствии служил в чехословацком корпусе и в Красной Армии.

Термин «Брусиловский прорыв» утвердился в исторических кругах уже после Первой мировой войны, когда исследователи в полной мере осознали его необычность; то, что он получил имя А. Брусилова, подчёркивает не гениальность полководца (хотя отсутствие у последнего хотя бы таланта не станет отрицать и злейший из врагов), а исключительные обстоятельства и результаты операции. Наиболее точным термином в данных обстоятельствах был бы не «прорыв», а «разрыв», так как австро-венгерский фронт, скорее, лопнул, попросту испарившись, как это случается с воздушным шариком. Луцкий прорыв, как его именовали современники, включая, кстати, самого А. Брусилова, привёл к падению Луцка, однако вскоре после этого победоносное шествие русской армии прекратилось.

Сам А. Брусилов во всё обвинял главковерха, не рассмотревшего в наступлении в полосе Юго-Западного фронта должных перспектив, не давшего ему вовремя резервов, не позволившего иметь целью крупный город Львов, а направившего вместо этого последующий удар на Ковель, который, кстати, так и не удалось взять.

Однако это личное мнение А. Брусилова, являющегося более чем заинтересованным лицом. Если всё упрощать, то он увидел свой шанс, сделал удачную ставку – и сорвал неплохой банк. Однако же с высот даже М. Алексеева успехи русской армии были далеко не такими обнадеживающими. В полосе Западного фронта, где оборону удерживали

немецкие войска, успехов достичь не удалось. То, что последующий удар А. Брусилова командование направило на Ковель, было совершенно верным решением: этот город являлся крупным центром железнодорожных сообщений и, захватив его, при содействии Западного фронта, можно бы было рассчитывать на то, что успех удастся закрепить и даже развить.

Попытка А. Брусилова наступать в южном и юго-западном направлениях привела бы к возникновению брешей во фронте; опираясь на Ковель, немцы неминуемо ударили бы ему во фланг и в тыл, что привело бы к сокрушительному разгрому. То, что А. Брусилов так и не смог взять Ковель, куда начали прибывать немецкие войска и артиллерия, свидетельствует о том, что русская армия не могла всерьёз тягаться с кайзеровской, независимо от участка наступления. Безрезультатные атаки на р. Стоход, несмотря на значительное превосходство в живой силе, стали неприятным тому подтверждением.

Историки дают весьма неоднозначные и противоречивые оценки Брусиловскому прорыву: согласно некоторым данным, Юго-Западный фронт потерял убитыми, ранеными и пленными даже больше, чем противник (около 886 тыс. чел. против 787 тыс.). Согласно другим данным, потери Центральных держав были всё же выше – 1,337 млн. чел. по максимальной оценке против 1 млн. чел. (Юго-Западный

фронт)⁹, однако значительная часть этой цифры приходилась на пленных из числа деморализованного австро-венгерского контингента, в то время как в боях с немцами А. Брусилов нёс по любым оценкам в несколько раз большие потери – причём без ощутимых успехов. Важнее всего то, что русские потери были преимущественно «кровавыми», следовательно, значение успехов Юго-Западного фронта в большой степени представляется завышенным.

Существует и другое, куда более критичное, отношение к «Брусиловскому прорыву», которое заслуживает того, чтобы о нём узнала широкая общественность. Так, замысел удара на Луцк был детально проработан начальником оперативно-го отдела 8-й армии (А. Брусилов) подполковником П. Махровым ещё в ноябре 1915 г. Поднявшись в должности до командующего Юго-Западным фронтом, А. Брусилов сразу же ухватился за возможность наступления на более широком фронте, открывшуюся перед ним. Кто первый увидел её – сам А. Брусилов или всё тот же П. Махров, или же генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Н. Духонин, точно неизвестно. Однако два будущих главковерха – А. Брусилов и Н. Духонин – весьма энергично настаивали на придании наступлению самого широкого размаха. Несмотря на неоднозначные результаты и много-

⁹ Любопытно, что два русскоязычных варианта с различной датировкой и один англоязычный (все взяты из одной и той же статьи «Википедии» «Брусиловский прорыв»/“Brusilov offensive”) дают заметно разнящиеся цифры потерь.

численные потери, им это всё-таки удалось. Достаточно сказать, что в период непосредственной подготовки к прорыву и в ходе самой операции Юго-Западный фронт получил 1,5 млн. чел. подкреплений только боевого состава (!).

Противник разгадал планы А. Брусилова незадолго до начала наступления; районы сосредоточения русских войск, тем не менее, решено было не подвергать артиллерийскому обстрелу с целью экономии снарядов. Унылое настроение командования, должно быть, передалось простым солдатам и офицерам австро-венгерских войск, которые стремительно растеряли всяческое желание драться.

Тем не менее, наступление изначально проходило тяжело и с высокими потерями – отнюдь не так радужно, как можно заключить, читая советские энциклопедические статьи, создававшие «культ А. Брусилова». Так, 11-я армия потеряла только за первую неделю операции 22 тыс. чел., за то же время 7-я армия – 20, 2 тыс. чел., 9-я армия – 10 тыс. чел., но только в первый (!) день, 8-я армия – 33, 5 тыс. чел. за первые три дня боёв. На четвёртый день был взят Луцк, и линия фронта временно стабилизировалась; в дальнейшем русские войска были вынуждены даже перейти к обороне, отражая контрудары противника.

4 июля 1916 г. пополненный войсками Юго-Западный фронт перешёл ко второму наступлению, длившемуся три недели; в сложившихся обстоятельствах, утратив фактор внезапности и израсходовав артиллерийские боеприпасы,

русские столкнулись с ожесточённым сопротивлением спешно переброшенных австро-немецких войск. Не слишком успешным оказалось и третье наступление, начавшееся 28 июля и продолжавшееся вплоть до сентября – оно объяснялось стремлением осуществить прорыв в Румынию (последняя, в том числе и под впечатлением от успехов Юго-Западного фронта, 27 августа объявила войну Австро-Венгрии).

Среди высшего российского руководства не было единства относительно целесообразности наступления в полосе Юго-Западного фронта, о чём неоднократно с неудовлетворением вспоминает А. Брусилов, однако же сам он выступил, вероятно, главным виновником такой ситуации. Так, будучи командующим 8-й армией, он разработал план удавшегося впоследствии прорыва на Луцк, а став командующим Юго-Западным фронтом, добился расширения, ввиду благоприятных условий, наступления до масштабов фронта. Однако «благоприятные условия», под которыми следует в первую очередь понимать моральную слабость австро-венгерских войск, требовали переноса основных усилий в полосу наступления 7-й и, особенно, 9-й армий (П. Лечицкий). 9-я армия, расколов фронт 7-й австро-венгерской армии, угрожала падением всего фронта в Галиции – таково общее мнение, идущее из стана противника, где вполне осознавали возникшую ужасную угрозу.

А. Брусилов не разглядел этих блестящих перспектив ни в процессе подготовки к операции, ни в её ходе. Это лег-

ко объяснить тем, что он более всего обращал внимание на свою 8-ю армию, даже после того, как оставил командование ею; верховное командование, предпринявшее наступление в смежной полосе Западного фронта, только поощряло эти побуждения.

После взятия Луцка естественным продолжением наступательных усилий являлся Ковель, взятие которого сулило те же перспективы, что и взятие Вердена – германцам, ведь, в случае успеха, удалось бы добиться падения всего Восточного фронта противника; сам А. Брусилов полагал перспективным направлением удара львовское, что едва ли соответствовало реалиям; наиболее обнадеживающие результаты наблюдались в полосе 9-й армии, которой противостояли измотанные австро-венгерские войска – в лесах Карпат.

Как нетрудно заметить, наступление оказалось перед перспективой продолжения в трёх расходящихся направлениях – и, что любопытно, в последующие недели и месяцы Юго-Западным фронтом осуществлялись неудачные попытки добиться успеха на всех трёх.

Удача – или разум, если угодно – на сей раз оставила А. Брусилова; он не смог повторно организовать успешное наступление; совершенно очевидно, что наличные технические средства (артиллерия и боеприпасы) были недостаточны; кроме того, первый, успешный удар наносился без их концентрации. Не исключено, А. Брусилов, просто не мог сманеврировать артиллерией, собрав её на одном участ-

ке, выбранном для наступления – по причине отсутствия должного взаимодействия в войсках, а также, что важнее, ввиду слаборазвитых коммуникаций. Последовавшие кровопролитные бои, не имевшие положительных результатов, обычно весьма глухо упоминаются советскими историками, однако на деле они являлись всё тем же стратегическим наступлением Юго-Западного фронта, и их последствия нельзя игнорировать. Рассмотрим же вкратце последовавшие за первыми успехами события.

Глава 6. Разрозненные удары

, забытые историками

Когда слепой жучок ползёт по плоскости шара, он не замечает, что путь, который он проделывает, искривлён. Мне удалось это заметить

А. Эйштейн

Человеческая память избирательна. Людям свойственно помнить о себе только хорошее, а о других – только плохое. Культ, сопутствующий А. Брусилову, является отличным тому примером: первоначальный успех помнят, несмотря на то, что по причине крайней моральной слабости австро-венгерских полков и дивизий, готовых сдать в плен при малейшем давлении, нарушен был главный принцип стратегии и тактики – концентрация усилий на решающем направлении. Победа готова была упасть в руки, как перезревшее яблоко, и А. Брусилов, рассредоточив артиллерию по фронту с целью создания возможно более протяжённой «линии давления», это отлично понимал. А вот дальнейшие бои, несмотря на их несравненно большую интенсивность, всегда как-то обходят стороной, упоминая лишь о том, что плохо подготовленные (тут ни сам А. Брусилов, ни советские историки командующего ЮЗФ не винят, он вне подозрений) удары не имели успеха. Давайте же попробуем их рассмотреть, раз уж возникла такая возможность.

17 июля (н. ст.) 1916 г. из гвардейских корпусов была сформирована армия, командующим которой назначили генерал-адъютанта В. Безобразова. Она вступила в бой, не имея ни номера (из чистого суеверия, так как он должен был стать 13-м), ни названия; атаки на заболоченной местности не имели успеха и были легко отражены массированным пулемётным и артиллерийским огнём противника. Поражение гвардейцев произвело гнетущее впечатление в Ставке. Верховный главнокомандующий, которым с 1915 г. являлся лично царь Николай II, болезненно переживал неудачу войск; гвардейские полки, в которых проходили службу его родственники, были ему хороши знакомы, многих командиров и даже солдат он наверняка знал лично.

Говоря о преимуществах кайзеровской армии над русской, в данных обстоятельствах такие утверждения разумно детализировать, чтобы они не производили впечатление абстрактных и туманных. Немцы постоянно совершенствовали тактику своих войск, уделяя большое внимание их переобучению; ими постоянно создавались и широко внедрялись новейшие образцы вооружений, позволявшие повысить боеготовность армии.

Пулемёт конструкции Х. Максима, некогда возбудивший самое острое внимание Вильгельма II (первый экземпляр этого оружия был закуплен на его личные деньги, ещё до внесения каких-либо изменений в закон о военном бюджете), немцами был в значительной степени усовершенствован и,

под названием MG-08, известен как наиболее технологичная версия «максима». По сравнению с российским вариантом образца 1910 года, MG-08 обладал несколько более крупным калибром (7, 92 мм против 7, 62 мм). Его отличало также более тяжёлое (20,3 кг против 23 кг) тело орудия и станка (37 кг против 34 кг¹⁰).

Учитывая тот факт, что российская версия обладала колёсным станком А. Соколова, позволявшим с заметно меньшими затратами физических сил передвигать пулемёт по полю боя, а также то, что расчёт был прикрыт от ответного огня противника броневым щитком, она, казалось бы, имела заметные преимущества. Впрочем, бронешиток и колёсный станок, являвшиеся просто уменьшенными вариантами первых модификаций «максима», закупленных в Великобритании (те устанавливались на лафеты от полевых орудий), трудно расценивать как свидетельства безупречного пути технического развития. Колёсный станок в годы Первой мировой войны не применялся ни французами, ни англичанами; бронешитки, весьма затруднявшие обзор, в армиях стран-основных участниц конфликта, конструктивно не были предусмотрены и в заводских условиях обычно не устанавливались¹¹.

¹⁰ Несколько более лёгким, по сравнению с салазочным (см. выше), являлся станок-тренога, весивший 31 кг, однако он производился в значительно меньших количествах.

¹¹ Нужно оговориться: немецкие MG-08 поздних модификаций также оборудовались бронешитками, чему есть немало подтверждений. Любопытно, что их

Напрашивается вполне естественное предположение о том, что весь мир не знал, как пользоваться пулемётом Х. Максима, в отличие от российских конструкторов, позаботившихся об удобстве перемещения орудия и о сохранности жизней расчёта. По крайней мере, такое утверждение немедленно было бы изречено В. Суворовым (В. Резуном). Однако статистика боёв принуждает по-другому взглянуть даже на столь очевидные вещи. Немецкий MG-08 обладал, как нетрудно заметить, не самой высокой тактической подвижностью; впрочем, станковый пулемёт изначально создавался как оружие, устанавливаемое стационарно. Колёсный станок, по сравнению с салазочным, конечно, обладал маленьким, почти незаметным, недостатком – при стрельбе пулемёт ёрзал, что негативно влияло на точность огня. Это было особенно ощутимо, если дальность выстрела достигала нескольких сот метров, как это обычно и бывало.

Немцы предпочли иной подход: применив тяжёлый салазочный станок, они устранили откат как явление. Пулемёт MG-08 был оснащён великолепным оптическим прице-

размер был относительно небольшим, по сравнению с российским аналогом, в то время как размещённый перед кожухом ствола щиток округлой формы прикрывал тот полностью. Таким образом, легко предположить, что немцы более заботились о пулемётах, нежели о пулемётчиках, что, видимо, не вполне верно – ведь «максимы» в тот период ими устанавливались в узких амбразурах долговременных огневых точек, в том числе и бетонированных, в то время как в боевых порядках наступающей пехоты их сменили ручные пулемёты MG-08/15. Также зачастую применялись и изготавливаемые кустарно колёсные лафеты, и крупные броневые щиты.

лом ZF-12 с регулируемым вплоть до 20-кратного увеличением, что позволяло вести прицельный огонь по противнику. Салазочный станок также не ограничивал расчёт в ведении навесного огня, широко применявшегося как немцами, так и их противниками на Западном фронте. Немаловажным нововведением являлась и пароотводная кишка (резиновый шланг), присоединённая к кожуху охлаждения: испарявшаяся при нагреве ствола вода отводилась в специальную канистру, где конденсировалась и могла быть заново залита в кожух через специальный краник.

Эти конструктивные особенности давали значительные преимущества расчёту MG-08, позволив вывести пулемётный огонь на новый, более высокий, уровень эффективности. Начиная с января 1916 г., немцами создаются пулемётные снайперские роты (всего их численность в 1918 г. достигла 152), имеющие на вооружении 6 станковых пулемётов; общая численность роты достигала 85 человек. Сгруппированные по 3 в батальоны MGA (Maschinengewehr-Scharfschützen-Abteilung), они сформировали новый, элитный род войск; его бойцам полагалась нарукавная нашивка с золотистым изображением MG-08. Учитывая то, что вновь созданные батальоны «снайперов-пулемётчиков» подчинялись верховному командованию, нет ничего странного в том, что они нередко перемещались с одного угрожающего участка фронта на другой, выполняя функции «пожарных команд».

Говоря о немецкой артиллерии, нужно подчеркнуть её обычное превосходство над российской, особенно в количестве снарядов, то есть собственно в интенсивности артиллерийского огня. Преимущество в артиллерии крупных калибров зачастую являлось подавляющим. Нельзя забывать и о том, что немцы проявляли большое мастерство в процессе подготовки огневых ударов: умело маскируя артиллерию, они достигали внезапности, зачастую заставляя противника врасплох; немалым также было и превосходство в управлении огнём.

Подразделения MGA из резервов германского верховного командования и артиллерийские батареи, переброшенные под Ковель, стали главной причиной тяжёлых потерь, понесённых гвардией – то было подлинное столкновение стали и огня, с одной стороны, и «живой силы» – с другой. Гвардейскую армию на тот момент именовали просто «армией В. Безобразова», что свидетельствует о некоем скрытом недовольстве фронтовых генералов этими элитными частями и, вероятно, самодержавием. Не исключено, что именно странные интонации, сопутствовавшие произнесению такого достаточно необычного для армии названия, послужили причиной для переподчинения её в августе 1916 г. генералу от кавалерии И. Гурко и переименованию в Особую.

В сентябре началось наступление Юго-Западного фронта, направленное, как и желал того А. Брусилов, на Владимир-Волынский, Львов и Галич. В победоносной ещё совсем

недавно 8-й армии боевой дух упал настолько низко, что русская артиллерия открыла огонь по собственным окопам с целью побудить её к атакующим действиям (!). Свидетельство генерала от кавалерии Г. фон дер Марвица, командовавшего войсками противника, в этом случае может вызвать сомнения, однако нельзя забывать, что 8-я армия к тому времени потеряла десятки тысяч человек ранеными, убитыми и пленными; её личный состав прошёл доукомплектацию за счёт призывников и солдат, вернувшихся на фронт после излечения, то есть едва ли вдохновлённых перспективами ожесточённых боёв. Это позволяет предположить, что Г. фон дер Марвиц, если и преувеличивал, то не слишком.

Три попытки наступления на Волыни, предпринятые в сентябре, захлебнулись; 5 октября царь (и Верховный главнокомандующий) Николай II даже потребовал вывести Особую армию из боя со словами: *«Я решительно против дальнейшего развития операции 8-й и Особой армий, операции, обещающей нам минимальный успех при громадных потерях»*. Царя, тем не менее, не послушали (это очень важно для дальнейшего развития событий деталь), и А. Брусилов, после нескольких разговоров, всё же смог убедить штаба главковерха М. Алексеева в необходимости ещё одной решительной попытки. Четвёртый штурм, как нетрудно догадаться, был также отражён с огромными потерями.

Противник нанёс ряд успешных контрударов в Карпатах, на Волыни и на Владимир-Волынском направлении. Юго-

Западный фронт ответил «разрозненными ударами», вероятнее всего, не преследовавшими иной реальной цели (ведь всем было очевидно, что вражеский фронт уже не прорвать), кроме «исполнения союзнического долга». Румыния, в едином патриотическом порыве присоединившаяся к войне, выставила полумиллионную армию с устаревшим, даже по меркам 1914 года, вооружением.

Войска Центральных держав, пользуясь возможностью атаковать Румынию с территории Австро-Венгрии и Болгарии, окружив, быстро разгромили её войска ударами с нескольких направлений и взяли Бухарест. Сосредоточенный в Добрудже русский 30-й корпус (А. Зайончковский), вскоре развёрнутый до армии, смог оказать содействие лишь вытесненным из Румынии остаткам разгромленных вооружённых сил незадачливого союзника. Вместо того, чтобы оказать помощь Антанте, румыны сами пережили разгром; на линии границы, ещё недавно бывшей нейтральной, России пришлось создать новый фронт, Румынский, что ещё более ослабило её группировку в Галиции. Операции окончательно выдохлись к декабрю.

Сведения о потерях, как это обычно бывает, А. Брусиловым излагались в самом выгодном для него свете; так, сводки о количестве погибших, раненых, взятых в плен и пропавших без вести русских солдат подавались им с запозданием – и с применением всевозможных уловок, достойных учебников по крючкотворству. Например, в случае с гвардейской

армией, которой живо интересовались «наверху», он позволял себе грубым образом фальсифицировать данные, указывая потери, в 10 меньшие, нежели в представленных ему подчинёнными отчётах. Потери же противника неизменно оказывались существенно более высокими, что обычно не имело с истиной ничего общего.

В конечном итоге, наступление Юго-Западного фронта обошлось в 1 млн. 454 тыс. чел., что соответствует численности полученных им в этот период подкреплений. Австро-венгерский Северный фронт, учитывая боевые действия в полосе Западного фронта и в Румынии, потерял за это время 639 тыс.чел., германские войска – 140 тыс. чел., всего – 779 тыс. чел., из которых более половины (417 тыс. чел.) составили пленные. Таким образом, А. Брусилов потерял в 1, 87 раза больше солдат и офицеров, чем противник, причём количество пленных, захваченных в первые дни наступления, должно настораживать относительно соотношения потерь в ходе боёв, которое, следовательно, может достигать цифры в 3,5 раз и более не в пользу войск Юго-Западного фронта.

А. Брусилов охотно делится с нами рецептом подобного результата: *«Я действовал по-своему, широким фронтом. Это моя метода, при которой наступление развивается от всего сердца, и никто не знает, где настоящее наступление и где демонстрация»*. Что ж, добавить тут нечего – непродуманное, без основных и второстепенных участков, чистосер-

дечное наступление, осуществляемое широкой грудью более чем полутора миллиона солдат – чем не метод? В оправдание А. Брусилова следует сказать, что малочисленная русская тяжёлая артиллерия всё равно не могла создавать настолько концентрированные зоны сплошной дезинтеграции, как то имело место во Фландрии, да и разжиженные боевые порядки, характерные для Восточного фронта, а также низкий боевой дух австро-венгерских войск позволяли при особенно благоприятных обстоятельствах обойтись «демонстрацией».

Немаловажно будет ознакомиться и с мнением обеих сторон относительно исхода операции. Так, немцы, взяв Бухарест и нанеся тяжелейшие потери русскому Юго-Западному фронту, имели все основания полагать себя победителями в этом колоссальном сражении. Учитывая тот факт, что на Западном фронте после операций на Сомме и под Верденом боевые действия вновь зашли в тупик, выставленные 12 декабря Центральными державами условия мира, конечно, опирались на результаты боёв на Восточном фронте. Они предусматривали, в частности, вывод немецких войск с территории Бельгии и Франции, возврат немецких колоний, «исправление» границ Италии и Сербии (очевидный намёк на территориальные уступки со стороны этих держав), раздел Черногории, восстановление независимости Польши, присоединение к Германии Люксембурга, Курляндии и Литвы. Если оценить этот документ, легко прийти к выводу: по мнению немецких военных и дипломатов, Россия в результа-

те наступления Юго-Западного фронта поставлена на грань неминуемого поражения, и поражение это является вопросом самого ближайшего времени. Будущее показало, что они не ошиблись.

С другой стороны, 16 декабря 1916 г., когда в Ставке подводились итоги кампании (ни одна из целей не была достигнута), А. Брусилов настаивал на том, что достиг больших успехов (видимо, самым наглым образом путая успехи первых дней с последующими месяцами поражений). Более того, он рекомендовал в 1917 г. возобновить наступление по всему фронту, очевидно, имея в виду назначение себя на более высокую должность.

Доклад А. Брусилова, вызвавший самую широкую полемику в высших кругах, давно уже настроенных пессимистично, на поверку оказался голословной болтовнёй. В какой-то момент, когда учёт, скорее, несуществующих возможностей стал представлять совсем уж в нерадужном свете, решено было оставить в стороне такие «мелочи», как отсутствие – даже не нехватка – продовольствия и замершие заводы. Действительно, это мелочи: сельское хозяйство и промышленность России опираются на ручной труд и нуждаются в модернизации, а посему не могут идти ни в какое сравнение с зарубежными: оружие, боеприпасы, текстиль и обувь, даже хлеб – всё это поставят союзники, лишь бы выполнялись союзнические обязательства. С «живой силой», которой предстояло выполнять эти самые обязательства, однако, тоже начались

перебои. Военный министр Д. Шуваев, призывавший в тот период ратников 2-го разряда, 22 декабря был вынужден сообщить: с учётом ежемесячной убыли личного состава в 300 тыс. чел. даже таких резервов хватит лишь на 6 – 9 месяцев войны.

В любом случае, доступные резервы ни в коей мере не могли быть пригодными для пополнения соединений, предназначенных для ведения атакующих действий, то есть речь шла, скорее, о 6 – 9 месяцах позиционного бездействия как о максимуме, на который способна Россия – в случае поставок союзниками всего необходимого. Удивительная, почти пророческая, точность прогноза военминистра Д. Шуваева и разительный контраст его доклада с бравыми заверениями генерал-адъютанта А. Брусилова – всё это указывает на исключительную лживость либо полную некомпетентность последнего. Впрочем, на заседании Ставки не было места «пораженческим» заявлениям, и никто А. Брусилову, несмотря на очевидную невыполнимость сделанных им обещаний, не возразил.

Не желая признавать очевидных фактов, которые привели бы к совершенно неутешительным выводам о будущем России, присутствующие воздержались, предпочтя перейти к бурным аплодисментам. Более того, в 1917 г. А. Брусилов действительно был назначен Верховным главнокомандующим и имел возможность организовать наступление «от всего сердца, широким фронтом» – так, как оно ему пред-

ставлялось.

В целом, результат данного наступления (июнь-июль 1917 г.), известного также как «наступление Керенского», примечателен тем, что оно полностью провалилось. Реформы, активно проводившиеся в армии А. Брусиловым, привели к почти бесследному исчезновению из неё боевого духа; деморализованные войска отказывались подниматься в атаку, самовольно оставляли занимаемые позиции, убивали офицеров; фронт как таковой перестал существовать. В тылу вспыхнула очередная революция, сохранившаяся в истории как «июльские события»; большевики, несмотря на то, что ещё не смогли захватить власть, доказали наличие у них весомых претензий совершенно определённого характера.

Виновником подобного развала армии и фронта в любом случае следует считать генерал-адъютанта А. Брусилова. Осуществляя популистские реформы, он сам, причём вполне сознательно, «революционизировал» армию, подрывал в ней дисциплину и делал отвагу достоянием – и обязанностью – лишь отдельных, привилегированных подразделений, именовавшихся ударными, в то время как основная часть войск пропагандой тем самым признавалась «пассивной», что не замедлило сказаться практически тотчас же.

Весьма показательно также то, что А. Брусилов является едва ли не единственным царским генералом, оставшимся в Красной Армии. Кроме него, в этом, на удивление коротком, списке можно найти М. Бонч-Бруевича, чей родной

брат был ближайшим сподвижником В. Ленина (В. Ульянова). Остальные, крайне немногочисленные, генералы, согласившись противодействовать немцам в 1918 году, либо не выдержали испытания Гражданской войной, либо были впоследствии уничтожены за ненадобностью.

Уже только этот факт может послужить более чем убедительным доказательством того, что «метода» А. Брусилова привела к поражению сперва Юго-Западного фронта, а затем и России в целом, причём и он сам прекрасно отдавал себе в этом отчёт. Однако, выпячивая отдельные успехи, совершенно несоразмерные затраченным на их достижение усилиям, он смог достичь вершин в военной карьере – и привести к власти большевиков. Те, в свою очередь, ответили ему благодарностью: А. Брусилов получил должность главного инспектора кавалерии РККА, которую занимал вплоть до 1923 г., когда ему исполнилось уже 69 лет¹².

¹² 2-й том «Воспоминаний», якобы надиктованный А. Брусиловым в 1925 г. его супруге, содержит убийственную критику в адрес большевиков и их высшего руководства, и в СССР не публиковался. Несмотря на подлинность подписи А. Брусилова, авторство приписывается в значительной степени жене А. Брусилова – Н. Брусиловой-Желиховской, рассчитывавшей, таким образом, добиться примирения с белоэмигрантами.

Глава 7. Могучий рокот канонады

*«Величайшая судорога» захватила и голову военной системы, в частности, её «мозг» – генеральный штаб
маршал Б. Шапошников*

Причиной революций в России в 1917 г. выступило её военное поражение, а его причиной являлась, в свою очередь, индустриальная отсталость. Первая мировая война носила характер артиллерийского противостояния: по данным генерала Ф. Эрра, 67% потерь было нанесено орудийным огнём¹³, 23% – винтовочно-пулемётным, 10% – иными средствами поражения¹⁴. Это представляло собой значительную разницу, по сравнению с войнами предыдущего этапа, когда артиллерия наносила не более 25%, а оружие пехоты – до 90% потерь. Причину следует искать как в индустриальном прогрессе, совершившем значительный скачок в предыдущие десятилетия, так и в том, что на сей раз в вооружённую борьбу вступили наиболее развитые в военно-промышленном отношении государства мира.

¹³ К последнему Ф. Эрр относит также ручные гранаты, причинявшие аналогичные ранения. Впрочем, их процент был относительно невысок.

¹⁴ Схожие, хотя и несколько отличные, цифры предоставляет статистика потерь Британских экспедиционных сил убитыми и ранеными: 58,5% – от артиллерийского огня, 38,9% – от винтовочно-пулемётного.

Количество оружейных стволов, их калибр, интенсивность огня росли в ходе войны. В французской армии численность артиллеристов с 20% в 1914 г. выросла до 38% в 1918 г., в то время как численность пехоты снизилась с 70% до 48%. Количество стволов артиллерии на участках прорыва с 1 на 50 м выросло до 1 на 7 м фронта, т.е. более чем в 7 раз, а по сравнению с минимальными значениями периода маневренной войны на Восточном фронте – в 38 раз (август 1914 г., немцы, битва под Танненбергом, 1 орудие на 270 м) и даже в 47 раз (август 1914 г., русские, бой под Гумбиненом, 1 орудие на 330 м).

Немецкая артиллерия в 1914 г. насчитывала 7500 орудий, из которых более 4000 – полевые пушки калибра 77 мм, а остальные составляла тяжёлая полевая артиллерия (около 1500 гаубиц калибра 105 мм) и 2000 тяжёлых орудий, способных участвовать в полевой войне. К моменту подписания Компьенского перемирия немецкая артиллерия насчитывала 19808 орудий, из них – 11948 лёгких и 7860 тяжёлых.

Россия начала войну с 7155 орудий в войсках (в том числе 5480 76,2-мм полевых пушек и 752 тяжёлых орудия, не считая горной и пр. артиллерии) и 873 (в том числе 785 76,2-мм полевых пушек) в резерве; неудовлетворительное снабжение боеприпасами и недостаток в артиллерии, численность которой к лету 1917 г. достигла всего 8527 лёгких полевых и горных пушек и 1430 стволов тяжёлой артиллерии, включая лишь 632 – «особого назначения» (ТАОН), т.е. в резер-

ве верховного командования, оставались главной слабостью российской армии на протяжении войны.

Цифры эти, конечно, не отражают постоянно возраставшей интенсивности артиллерийского огня; последнее выразилось в сокращении состава батарей полевой артиллерии с 6 до 4 орудий в 1916 г. – расположенные большую часть времени стационарно, те вполне успевали осуществлять поддержку пехотных полков, если имелось достаточное количество снарядов. Количество последних, израсходованных, например, при 8-часовой артподготовке наступления под Верденом 21 февраля 1916 г., достигло 2 млн. В французском секторе наступления на Сомме в том же 1916 г. в период 24 июня – 10 июля 1916 г. было выпущено 2,014 млн. снарядов калибра 75 мм и 0,519 млн. крупнокалиберных снарядов всех типов; британцы в это же время всего за неделю (24 июня – 1 июля) израсходовали более 1,5 млн. снарядов общим весом 21 тыс. т¹⁵ в полосе шириной 25 тыс. ярдов и глубиной 2 тыс. ярдов¹⁶. При организации частной атаки нормой стала цифра в одну тонну снарядов на погонный метр фронта.

Путём улучшения конструкции артиллерийских орудий, увеличения метательного заряда, а также за счёт применения снарядов усовершенствованного типа, дальнобойность боль-

¹⁵ Вес взрывчатого вещества в самом снаряде достигал в тот период 10 – 15% от его массы.

¹⁶ Ярд – 0,9144 м.

шей части орудий, состоящих на вооружении армий, увеличилась на 30 – 50%.

Применение артиллерийского огня в ходе Первой мировой войны имеет несколько ярко выраженных форм, каждая из которых доминировала на определённом этапе войны:

1) огонь полевых пушек по крупным массам пехоты противника, атакующим в плотных боевых порядках – период маневренной войны 1914 г., а также начальный период позиционной войны – 1915 г., на Восточном фронте – до 1916 г.;

2) огонь гаубичной артиллерии калибра 4 дюйма по линиям сплошных стрелковых окопов и связанным с ними убежищам – начиная с 1915 г.;

3) огонь артиллерии крупных калибров, включая артиллерию особой мощности, с целью уничтожения укрепленных узлов обороны – начиная с 1916 г.;

4) огонь траншейной артиллерии – миномётов и бомбомётов – на короткие дистанции, в том числе – в ходе «борьбы за окопы» – начиная с 1915 г., наибольшее значение приобрёл в 1916 – 1918 г.¹⁷;

¹⁷ По данным И. Кириллова-Губецкого, Германия произвела во время Первой мировой войны миномётов всех калибров больше, чем остальные страны мира, вместе взятые – 30 тыс. шт. Для сравнения: Россия произвела 1722 орудия данного типа. Здесь следует говорить о ставке немцев на навесной огонь (требующий существенно меньшего расхода пороха, нежели настильный) вообще: например, артиллерия немецкой пехотной дивизии, по сравнению с 1914 г., в 1918 г. имела 57 стволов против 72, причём количество 77-мм пушек уменьшилось с 54 до 24, 105-мм гаубиц – выросло с 18 до 24; к ним добавилось также 9 тяжёлых и средних миномётов.

5) применение химических снарядов всех калибров с целью создания дополнительного фактора поражения – начиная с 1916 г.;

6) огонь штурмовой артиллерии (в том числе и танков), развёрнутой в атакующих порядках пехоты, прямой наводкой – начиная с 1916 г.

Давайте попробуем представить себе эту войну. Изначально, в 1914 г., когда ещё не было линий фронта, две дивизии, стремящихся друг навстречу другу, имели целью атаковать настолько решительно, что оказались неспособными даже сблизиться – столь сильным оказался встречный винтовочно-пулемётный огонь¹⁸.

¹⁸ Бои маневренного периода войны в 1914 г. показали: атакующая в густых цепях пехота, встреченная огнём стрелкового оружия, залегает и ввязывается в бесплодную перестрелку, в то время как полевая артиллерия противника, ведя огонь по пристрелянным ориентирам, уничтожает её. В результате возникло, как может показаться, парадоксальное решение: прорваться через «зону поражения» бегом и атаковать противника в штыки. Несмотря на свою причудливость и фантастичность, данное решение диктовалось опытом наполеоновских войн и, при определённых благоприятных обстоятельствах, могло быть с успехом применено и в современных условиях, что и имело место в битве на Марне, в полосе наступления немецкой 3-й армии (М. фон Хаузен) 8 сентября 1914 г. Приказ, полученный войсками, гласил: *«Чтобы в наибольшей степени избавить атаку пехоты от действия французской артиллерии, необходимо провести её в утренние сумерки, достигнув штыковым ударом неприятельской артиллерии»*. Требование командования, звучавшее как *«Ни одного патрона в стволе!»*, было реализовано путём изъятия затворов из винтовок. Вероятно, наиболее масштабная штыковая атака – и атака с применением преимущественно холодного оружия вообще – в истории человечества увенчалась успехом: немцы смогли прорвать оборону противника, хотя артиллерия его – главная задача дня – к тому времени

На начальном этапе войны воюющими сторонами почти не применялось полевых укреплений, что привело к значительным потерям атакующей пехоты от скорострельных полевых пушек. Вынужденные окопаться, пехотинцы стали размещаться в длинных сплошных траншеях, где их можно было достать при помощи навесного огня гаубичной артиллерии калибром 4 – 5 дюймов и выше. Пехота начала строить глубокие убежища и оборудовать постоянные, хорошо укреплённые железобетоном и сталью, огневые точки, преимущественно пулемётные. Сеть из нескольких таких точек, вписанная в рельеф, могла приобретать форму ротного или батальонного опорного пункта, разрушить который можно было лишь при помощи тяжёлой артиллерии. В ответ пехота зарывалась ещё глубже; сплошные линии траншей, обращённые фронтом к противнику, сменялись целым лабиринтом окопов, щелей и ходов сообщения, в то время как на переднем крае сохранялись лишь наблюдательные пункты и взаимодействующие друг с другом пулемётные гнёзда. Когда противник прорывался в этот «лабиринт», в нём начинался манёвр резервами, с целью отразить атаку, опираясь на удерживаемые оборонительные узлы, при помощи ручных гранат и миномётов. Данная тактика, получившая название «эластичной обороны», осуществлялась под лозунгом *«Бой в окопах, а не за окопы»*, начиная с 1917 г. Атакующая сторона могла противостоять ей, разрушая самые прочные

объекты при помощи артиллерии особой мощности. Там, где уже нельзя было повысить поражающее действие за счёт взрывчатых веществ, те сменяли химические снаряды, особенно широко применяемые, начиная с Верденского сражения, когда немцы задействовали снаряды с удушающим газом фосген («зелёный крест»). Маркированный жёлтым крестом иприт (отравляющее вещество кожно-нарывного действия) и вещества на основе цианида («синий крест») стали причиной многих побед, одержанных их изобретателями, немцами, в 1916 – 1918 гг. Тем не менее, хорошо укреплённые пулемётные гнёзда оставались арматурой укреплённых позиций, уничтожить которые навесным огнём зачастую не представлялось возможным. В таких случаях важное значение приобрела приданная пехоте штурмовая артиллерия. Англичане, создав танки исключительно как механизированный вариант данного типа оружия, со временем оценили его потенциал и начали выделять т.н. «крейсерские» танки особых моделей, например, Mk A “Whippet” (англ. «гончая»), целью которых был прорыв обороны на оперативную глубину и выход в тыл обороняющейся группировки с целью пресечения подвоза по её коммуникациям.

Полностью всю эволюцию артиллерийского огня смогли пройти лишь армии Антанты на Западном фронте, в первую очередь, британская, французская и, в последний год войны, американская. Немецкая армия, уступая в общей мощи огня, пыталась компенсировать это ставкой на химические снаря-

ды, повышавшие его эффективность; несмотря на наличие танков собственной разработки (А7V), выпущенных малой серией в 20 шт., немцы могут считаться стороной, которая вышла на 6-й этап лишь частично и соответствовала его требованиям только на узких участках фронта.

Российская артиллерия, опиравшаяся на 3-дм (76,2 мм) полевую пушку образца 1902 г., в полной мере соответствовала лишь требованиям 1-го этапа войны, причём постоянный дефицит снарядов и в данном случае требовал оговорок, ограничено вышла на уровень 2-го этапа и эпизодически – 3-го, 4-го и 5-го этапов.

Строго говоря, производство артиллерийских боеприпасов, представляющих собой сложные устройства, требующие наличия высокоразвитой цветной и чёрной металлургии, а также химической промышленности, вполне может рассматриваться ключевым показателем индустриального развития того или иного государства. Несмотря на определённую взаимосвязь с показателями ВВП или, например, выплавки стали, к которым обычно обращаются исследователи, количество произведённых боеприпасов, в силу их жизненной важности в указанный период, является куда более валидным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.